

Разрѣшеніе комедіи для сцены послѣдовало уже послѣ смерти Грибоѣдова, и она первый разъ поставлена была въ Петербургѣ 26 января 1831 г., а въ Москвѣ 25 февраля ¹⁾. Съ этого времени она часто давалась и дается на сценѣ; но не съ такой обстановкой, какой она вполне заслуживала бы ²⁾.

разъ, Гр. въ декабрѣ 1827 г., проѣзжая изъ Тавриза въ Эривань, приглашенъ былъ на представленіе „Горя“, которое разыграно было офицерами 20-й пѣхотной дивизіи въ крѣпости, во дворцѣ бывшаго персидскаго Сардаря. Третій разъ онъ видѣлъ исполненіе комедіи (но безъ начала и конца) любителями кавказскими туземцами въ домѣ кн. Багратіона. Но все эти представленія, безъ сомнѣнія, не удовлетворили его. Такъ, собираясь на предполагаемый спектакль въ театральную залѣ (и потомъ отмѣненный), онъ писалъ: „явлюсь посмотреть на мое чудо, какъ его коверкать станутъ“.

¹⁾ До этого времени третье дѣйствіе комедіи представлено было на московскомъ театрѣ въ 1830 г. и въ томъ же году нѣкоторыя сцены изъ „Горя отъ ума“ были играны 20 октябрю въ присутствіи Государя Императора и в. кн. Михаила Павловича на Маломъ театрѣ.

²⁾ Объ исполненіи на сценѣ у насъ имѣются слѣдующія показанія:

1. Представленіе 3-го дѣйствія на Московскомъ театрѣ было очень неудачно (Моск. Тел. 1830 г., № 12 и 13).

2. Во время перваго представленія въ Петербургѣ и Москвѣ даже лучшіе актеры: Каратыгинъ, Сосницкій, Мочаловъ, Щепкинъ и др. не постигли характеровъ, не поняли стиховъ Грибоѣдова (Сѣв. Пчела и Моск. Тел. 1831 г.).

3. „Горе отъ ума“ не отродье старинныхъ произведеній, изъ коихъ извлечены тысячи условныхъ правилъ и сценическихъ законовъ; это новое созданіе, новое зеркало, въ коемъ отражается новый, доселѣ не существовавшій міръ. Тутъ нѣтъ ни Альцестовъ, ни Валеровъ, ни Криспиновъ... Фамусовъ, Чацкій, Молчалинъ и другія лица суть новыя, важныя задачи, которыя гений Грибоѣдова представилъ на разрѣшеніе опытнымъ и искуснымъ актерамъ, и этого то ожидала отъ нихъ просвѣщенная публика, разсчитывая, что можетъ быть, гораздо легче создать „Горе отъ ума“, нежели вникнуть во все красоты сего творенія и выразить оныя удовлетворительно, или, лучше сказать, искуснымъ выраженіемъ придать имъ новый блескъ, неизвѣданный отъ автора. Сколько надо образованности, сколько начитан-

Какъ произведеніе гениальное, она и для второстепенныхъ ролей требуетъ выдающихся исполнителей, которыхъ у насъ

ности, сколько познанія свѣта и нашихъ обычаевъ, чтобы постигать красоты („Горя отъ ума“) и вдвое надобно искусства, чтобы передать мысли и чувства автора въ чтеніи, въ декламациі. Ничего этого мы не видѣли на нашей сценѣ. „Горе отъ ума“ есть народная собственность, и какъ бы ни играли, она всегда будетъ привлекать зрителей (Сѣв. Пч. 1831, № 77 и 80).

4. Всѣ лица въ комедіи оригинальны, они не сколки съ французскихъ, съ Мольеровыхъ и Ренъяровыхъ, . . . для нихъ въ строномъ смыслѣ даже нѣтъ амплуа, потому что для каждой роли „Горя отъ ума“ надобно имѣть новое. Для такихъ ролей нѣтъ образцовъ, нѣтъ примѣровъ, словомъ, нѣтъ преданій французскихъ, а для русскаго человѣка это бѣда. „Горе отъ ума“ требуетъ игры естественной, развязной, а они (актеры) были связаны (Московск. Тел. 1831 г., № 5).

5. Арановъ, говоря въ своихъ Замѣткахъ о постановкѣ пьесы на сценѣ и выполненіи роли Чацкаго, замѣтилъ: „должно помнить, что какъ бы тревожно и возмутительно ни было положеніе Чацкаго, по взволнованный человѣкъ въ частномъ обществѣ не есть трагическій герой“ (Серч. 1858 г., стр. 401).

6. О. О. Миллеръ писалъ въ 1879 г.: „На теперешней нашей сценѣ Чацкій говоритъ слова: „Когда постраниствуешь, воротись въ домъ, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“ съ глубокимъ презрѣніемъ. Но это совершенно невѣрно. Чацкій, несмотря на сознаваемые имъ изъяны въ барской московской средѣ, горячо любитъ свое отечество“ (Древн. и Нов. Рос. 1879 г., т. 1, № 4, стр. 309). Тутъ же Миллеръ говоритъ объ отвѣтѣ Чацкаго на вопросъ Софьи — Гдѣ лучше? Онъ отвѣчаетъ: гдѣ насъ нѣтъ. Иногда, говоритъ Миллеръ, объясняютъ это такимъ образомъ: гдѣ русскихъ нѣтъ. [Такое объясненіе даетъ А. Веселовскій и прибавляетъ: Болѣе разительнаго указанія на превосходство Запада, кажется, и ожидать нельзя (Русск. Библ., т. V, стр. XL+XLII. СПб. 1878 г.). Но проще понимать слова Чацкаго въ буквальномъ смыслѣ, довольно близкомъ къ поговоркѣ: „Славны бубны за горами“. По поводу этого Миллеръ говорилъ: „У насъ не обратили вниманіе на то, что Ч., повидимому, возвращается изъ путешествія уже отчасти разочарованнымъ“. Это замѣчаніе не вѣрно. Еще въ 1830 году Ушаковъ писалъ: „отправляясь за границу, Ч. сдѣлался на время космополитомъ. Онъ искалъ тамъ

часто недостаёт и для главныхъ. Не выработано у насъ и руководства для актеровъ, основаннаго на изученіи эпохи на

совершенства и не нашёлъ. Узнавши по опыту, что люди вездѣ одинаковы, что всѣ они имѣютъ тѣ же страсти, тѣ же недостатки, тѣ же причуды, разочарованный мечтатель возвратился на родину, которая привлекала его по неугаснувшему въ немъ пламени патріотизма“ (Моск. Тел. 1830 г., № 12 и 13).

Въ семидесятыхъ годахъ одинъ даровитый актеръ, игравшій Чацкаго, грюмировался несовсѣмъ молодымъ человѣкомъ и съ плѣшью на маковкѣ. Несомнѣнно, это произошло подѣ влияніемъ мнѣнія, что Чацкій—это Грибоѣдовъ, который, по словамъ К. Полеваго, говорилъ въ 1828 г. въ Петербургѣ, на обѣдѣ у Н. Греча: „Я тамъ (въ Персіи) состарѣлся, не только загорѣлъ, почернѣлъ, почти лишился волосовъ на головѣ, но и въ душѣ не чувствую прежней молодости“. Но при этомъ актеромъ или руководителемъ его не принято было во вниманіе, что Чацкій является въ комедіи совершенно молодымъ человѣкомъ, никакъ не старше четырьмя или пятью годами семнадцати-лѣтней Софьи.

Если причиною невѣрнаго пониманія ролей актерами было иногда недостаточное и неправильное объясненіе въ нашей литературѣ самой комедіи; то бывало и наоборотъ: невѣрное изображеніе на сценѣ того или другаго лица комедіи приводило къ невѣрнымъ сужденіямъ о комедіи въ литературѣ. Такъ въ одной статьѣ говорится: „Чацкій въ концѣ, послѣ вдохновеннѣйшаго порыва негодованія, съ такимъ же вдохновеніемъ кричитъ: карету мнѣ! карету“. Поэтому, авторъ эту сцену называетъ водевильною. Вѣроятно, вслѣдствіе плохаго представленія на сценѣ „Горя отъ ума“, авторъ называлъ водевильными—окончаніе 1 и 2 дѣйст., нѣкоторыя рѣчи Репетилова, Фамусова, Чацкаго въ обморокъ съ Софьей, всю рѣчь Лизы (Рус. Рѣчь 1879 г., № 3. А. С. Грибоѣдовъ).

7. Васильевъ въ статьяхъ „Къ характеристикѣ Чацкаго“ пишетъ: „Три эпохи отношенія къ себѣ пережило „Горе отъ ума“ со времени появленія на сценическихъ подмосткахъ, т. е. въ продолженіи 63 лѣтъ. Первоначально единственное притяженіе составлялъ Чацкій и притомъ не весь онъ, а исключительно его эпизодическіе монологи... Современные зрители прямо расхохотались бы, если бы актеръ, исполняющій роль Чацкаго, громовымъ голосомъ, съ раскатами на буквѣ *p* сталъ бы кричать: „карету мнѣ, карету!“ Во второмъ періодѣ вмѣстѣ съ переходомъ Чацкаго отъ трагиковъ къ первымъ лю-

всестороннемъ и вѣрномъ объясненіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ ¹⁾. Все это указываетъ на то, что мы мало цѣнимъ свое великое добро, которымъ могъ бы гордиться и болѣе насъ культурный народъ.

При жизни Гр. изъ „Горя отъ ума“ напечатана была только часть и то съ пропусками и измѣненіемъ текста; напечатано было 7, 8, 9 и 10 явленія перваго дѣйствія и третье дѣйствіе (въ альманахѣ 1825 г. издаваемомъ Булгаринымъ, подъ названіемъ „Русская Талія“). Первое изданіе всей комедіи появилось въ 1833 г. Такъ какъ „Горе отъ ума“ долго не разрѣшалось для печати, то въ обществѣ приписали ему политическое значеніе, искали въ немъ заднихъ мыслей, намековъ на событія 1825 года, хотѣли читать между строками. Чтобы не дать повода широко распространиться такому невѣрному взгляду, какъ первое изданіе, такъ и слѣдовавшія за нимъ до начала шестидесятыхъ годовъ печатались съ значительными пропусками и измѣненіями текста. Для печати комедію очищали отъ всякихъ лишнихъ намековъ, даже косвенно указывавшихъ на правительство, на управленіе, на сословные, общественные и воспитательные вопросы. Не цензурными были признаны въ комедіи слова: вольность, свобода, личность,

---

бювникамъ, началъ выдѣляться и обращать на себя вниманіе жанровый фонъ, все болѣе оживавшій по мѣрѣ того, какъ онъ переставалъ быть въ сценическомъ исполненіи грубою каррикатурою, какимъ то балаганнымъ кривляньемъ... (когда) вмѣсто живыхъ людей театръ собиралъ на балъ къ Фамусову уродовъ съ того свѣта.... Третья эпоха усилила яркость бытоваго фона и жанровой картины стараго московскаго дворянскаго общества введеніемъ на театръ соотвѣтственной тому времени обстановки костюмовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ впервые выступила въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствительная интрига комедіи. (Рус. Обоз. 1895 г., февраль, 639, 640).

¹⁾ Хорошимъ руководствомъ для актеровъ, играющихъ роль Чацкаго, могутъ теперь служить статьи Васильева въ Рус. Обозр. 1894 и 1895 г.: „Къ характеристикѣ Чацкаго“ и Суворина.

отъявленный мошенникъ, бунтъ, чины людьми даются, а люди могутъ обмануться и т. п.; слова: *министрами* замѣнено — важными лицами, *государственное* дѣло замѣнено — литературное и мн. друг. До 1866 г. даже шепелявенье и картавленье графини-бабушки не появлялись въ печати.

Въ 1858 г. „Горе отъ ума“ безъ проскуповъ напечатано было въ Лейпцигѣ и Берлинѣ; но оба изданія вышли мало исправными. Въ Россіи первый полный текстъ появился въ 1862 г., и съ тѣхъ поръ онъ часто печатался съ разными отмѣнами въ зависимости отъ рукописей, по которымъ издавался ¹⁾. Но и до сихъ поръ мы не знаемъ, какимъ былъ

¹⁾ Лучшими изданіями считаются:

1. *Гарусова*: „Горе отъ ума съ примѣчаніями и объясненіями“. СПб. 1875 г. Въ предисловіи разсмотрѣны рукописи, которыми пользовался издатель, и сдѣланъ обзоръ изданій до 1875 г. „Горе отъ ума“ напечатано здѣсь по списку, который Гарусовъ списалъ у одной знакомой, имѣвшей списокъ съ поправками Грибоѣдова. Въ этомъ списокѣ текста на сто одинъ стихъ больше, чѣмъ въ другихъ спискахъ. Въ изданіи Гар. напечатанъ и списокъ, подаренный Грибоѣдовымъ Булгарину въ 1828 г.

2. *Ефремова*: „Горе отъ ума“ съ предисловіемъ Суворина: „Горе отъ ума и его критики“. СПб. 1886 г. Текстъ редактировалъ Ефремовъ по лучшимъ спискамъ и изданіямъ; въ концѣ текста помѣщены варианты по изданіямъ Гарусова и А. Веселовскаго.

3. *Шляпкина*: „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“, въ двухъ томахъ, СПб. 1889 г. Текстъ „Горя отъ ума“ помѣщенъ во второмъ томѣ и напечатанъ въ двухъ видахъ. Сначала напечатанъ текстъ по лучшимъ спискамъ петербургской редакціи и по лучшимъ изданіямъ, какъ это сдѣлано и Ефремовымъ. Потомъ напечатана первая московская редакція, въ эту редакцію вставлено и то, что у Гарусова представляетъ лишнее сравнительно съ другими списками. По нашему мнѣнію, такой способъ изданія неудачный. Въ немъ смѣшанъ первый текстъ — несовершенный, нечистый, какъ называлъ его самъ Гр., съ отрывками совершенно отдѣланными, или отброшенными Грибоѣдовымъ, когда онъ предназначалъ текстъ для сцены, или не вошедшими въ тѣ рукописи, назначаемыя для чтенія, съ которыхъ уцѣлѣли лучшіе списки.

4. *Стоюнина В.* — Это лучшее изданіе „Горя отъ ума“ для школь.

текстъ комедіи, когда Гр. покончилъ надъ ней свою работу, потому что ни одной изъ собственноручныхъ рукописей не дошло до насъ ¹⁾. Дошедшая до насъ рукопись комедіи, подаренная Гр-мъ Булгарину (5 іюня 1828 г. съ надписью: «Горе мое поручаю Булгарину, вѣрный другъ Грибоѣдовъ»), писана не рукою Грибоѣдова, а переписчикомъ и не исправлена авторомъ. Эта рукопись, какъ предназначенная для напечатанія, была значительно измѣнена сравнительно съ оригиналомъ. Ближе къ послѣднему стоятъ другія рукописи, дошедшія до насъ, списанныя съ оригинала, или со списковъ, исправленныхъ самимъ Грибоѣдовымъ. Онѣ полнѣе Булгаринской, особенно рукопись, которую переписалъ Гарусовъ для своего изданія, и которая имѣетъ сто одинъ стихъ больше, сравнительно съ другими. Но все таки это не то, что подлинная рукопись Грибоѣдова. Съ собственноручныхъ рукописей Грибоѣдова сдѣлано было нѣсколько списковъ. Списки дѣлались какъ съ пер-

---

¹⁾ Рукопись московской редакціи Грибоѣдовъ, вѣроятно, ежегъ, что онъ и Бѣгичеву совѣтовалъ сдѣлать со спискомъ этой редакціи. Можетъ быть, также, что эту рукопись Гр. подарилъ Тинькову, своему двоюродному брату, у котораго она, по винѣ домашнихъ, пошла на оклейку оконъ. О собственноручной рукописи петербургской редакціи извѣстно, что она при арестѣ Грибоѣдова въ 1826 г. препровождена была въ Главный Штабъ и едва ли сожжена, какъ предполагали. Можетъ быть, о ней говорится въ письмѣ (отъ 2 декабря 1826 г.) къ Бѣгичеву: „Заставъ Ермолова, Петра Николаевича возвратить мой манускриптъ—Горе отъ ума“. Это, должно быть, собственный манускриптъ Грибоѣдова, о которомъ говорится и у Гарусова на стр. 9: „проѣздомъ въ 1826 г. черезъ Москву (т. е. на Кавказъ изъ Петербурга), когда Гр. забросилъ Л-ымъ варіантъ нѣсколькихъ сценъ, которыя намѣренъ былъ исправить для печати, онъ въ это же время, по просьбѣ воспитанницы Л-ныхъ, Авдотьи Дмитріевны Ю-вой, исправилъ ея собственный списокъ и на 1 стр. списка написалъ: Исправляю по памяти, моего Горя не захватилъ. Москва 1826 г. Ал. Грибоѣдовъ“. Что бы до 1827 г. ни случилось съ собственноручной рукописью Гр. несомнѣнно, у него была такая же и до конца жизни. Послѣдняя, конечно, погибла въ Тегеранѣ вмѣстѣ съ авторомъ и вмѣстѣ съ другими его рукописями.

воначальной редакціи, оконченной въ Москвѣ въ 1824 г., такъ и съ редакціи, появившихся въ Петербургѣ въ 1824—1826 г.¹⁾ Эти списки вновь переписывались и распространялись въ обществѣ во множествѣ экземпляровъ. Особенное значеніе списки приобрѣли съ 1833 года, когда первое печатное изданіе появилось неполнымъ. Въ Московскомъ Телеграфѣ (1833 года № 18) говорилось: Дайте какому нибудь писарю 20 рублей, и онъ принесетъ вамъ чисто переписанный экземпляръ „Горя отъ ума“, который можетъ быть вы не промѣняете на печатный. Еще въ 1831 г. Булгаринъ увѣрялъ, что въ Россіи находится болѣе 40 тысячъ списковъ сего единственнаго произведенія (Сѣверн. Пч. 1831 г. № 31); а въ 1857 г. (№ 117 Спб. Вѣд.) было напечатано: „Теперь едва ли не сотни тысячъ манускриптовъ неподражаемой комедіи разсыяны по русскому царству“. Но громадное большинство этихъ списковъ лишено всякаго значенія при восстановленіи подлиннаго текста комедіи. Эти списки представляютъ текстъ не только въ неисправномъ видѣ, но и въ искаженномъ; новые переписчики или дѣлали ошибки, пропуски, или же позволяли себѣ разныя передѣлки.

„Горе отъ ума“, составившее эпоху въ нашей драматической поэзіи, отъ которой ведетъ начало послѣдующая наша самостоятельная комедія (Гоголя, Островскаго и др.), на первыхъ порахъ хотя и возбуждало большой восторгъ въ

---

¹⁾ Завалишинъ писалъ въ 1879 г.: „Въ началѣ ноября 1825 г. я привезъ въ Москву полный экземпляръ, списанный мною еще весною того года, въ числѣ другихъ на квартирѣ Одоевскаго, подъ общую диктовку, съ подлинной рукописи Грибоѣдова, даже съ тѣми измѣненіями, которыя онъ дѣлалъ лично самъ, когда ему сообщали, по его же собственной просьбѣ, нѣкоторыя замѣчанія, особенно на тѣ выраженія, которыя все еще отзывались какъ бы книжнымъ языкомъ. Я имѣю основаніе думать, что мой экземпляръ былъ изъ всѣхъ привезенныхъ туда и самый полный, и самый исправный“ (Древ. и Нов. Рос. 1879 г., т. I, стр. 314).

большинствѣ, читалось и заучивалось наизусть, но долго не было оцѣнено по достоинству нашей литературной критикой. Съ времени появленія его и даже до нашихъ дней высказывались о немъ сужденія невѣрныя, указывались недостатки, какихъ въ немъ нѣтъ.

Первыя отзывы и сужденія о „Горе отъ ума“ въ нашей литературѣ появились еще тогда, когда изъ него напечатаны были въ Русской Талии въ 1825 г. два отрывка. Въ Московскомъ Телеграфѣ того же года была напечатана краткая замѣтка въ похвалу комедіи. Въ ней говорилось, что еще ни въ одной русской комедіи не находимъ мы такихъ острыхъ новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ „Горѣ отъ ума“; Загорѣцкій, Наталья Дмитриевна, кн. Тугоуховскій и др. списаны мастерскою кистью.

Эта замѣтка вызвала нападки на комедію въ тогдашней періодической печати. Противникомъ комедіи явился Вѣстникъ Европы, гдѣ въ 1825 г. печатали свои статьи М. Дмитриевъ и Пиладъ Бѣлугинъ (псевдонимъ того же Дмитриева). Въ этихъ статьяхъ выразилось недовольство комедіей не только самаго критика, но и сторонниковъ его, какъ въ литературномъ кругу, такъ еще больше въ тогдашнемъ такъ назыв. высшемъ образованномъ обществѣ. Тѣхъ и другихъ поразило „Горе отъ ума“, во 1-хъ тѣмъ, что оно не похоже было на считавшіяся тогда прекрасными наши комедіи кн. Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Загоскина и др. и ихъ французскіе образцы; во 2-хъ, оно написано было такимъ языкомъ, который дотолѣ не встрѣчался въ нашихъ комедіяхъ. Но больше всего неприятно имъ было то яркое и рѣзкое изображеніе тогдашнихъ общественныхъ недостатковъ, которое они считали несправедливымъ. Особенно имъ не понравились нападки Чацкаго на общество, и потому они прежде всего возстали противъ этого характера комедіи и старались затоптать его въ грязь и тѣмъ защитить общество, осмѣянное въ комедіи.

Въ первой своей статьѣ Дм. говоритъ о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица Чацкаго и находитъ ошибку Гр. въ томъ, что Гр. хотѣлъ представить въ Чацкимъ умнаго и об-

разованнаго человѣка; но на самомъ дѣлѣ мы видимъ въ Чацкомъ, говорилъ критикъ, человѣка, который злословить и говорить все, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе. Въ его рѣчахъ—ругательства, насмѣшки, даже грубыя дерзости. И такъ, мудрено ли, что отъ такого лица разбѣгутся и примутъ его за сумасшедшаго. Онъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей совсѣмъ неглупыхъ, но необразованныхъ. И который умничаешь передъ ними, потому что считаетъ себя всѣхъ умнѣе; слѣдственно, все смѣшное на сторонѣ Чацкаго. Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то какимъ то бранчивымъ патріотизмомъ предъ людьми, которыхъ презираетъ; онъ презираетъ ихъ, а между тѣмъ очевидно, хотѣлъ бы, чтобы они его уважали! Словомъ, Чацкій, который долженъ быть умнѣйшимъ лицомъ въ піесѣ, представленъ менѣе всѣхъ разсудительнымъ! Это Мольеровъ „Мизантропъ“ въ мелочахъ и каррикатурѣ! Это такая несообразность характера съ его назначеніемъ, которая должна отнять у дѣйствующаго лица всю его занимательность... Короче: г. Гр. изобразилъ очень удачно нѣкоторые портреты, но не совсѣмъ попалъ на нравы того общества, которое вздумалъ описывать, и не далъ главному характеру надлежащей съ нимъ противоположности“.

О языкѣ комедіи Дм. писалъ, что онъ жестокъ, неровенъ и неправиленъ. Во многихъ мѣстахъ слогъ совсѣмъ не разговорный, а книжный; между русскими стихами встрѣчаются два цѣлые стиха французскіе; тутъ къ слову *histoire* приема пожаръ, словомъ въ сей піесѣ:

Господствуетъ смѣшеніе языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ!

Въ другихъ статьяхъ въ отвѣтъ своимъ критикамъ Дм. развиваешь высказанное въ первой статьѣ и пополняетъ ее новыми сужденіями о „Горѣ отъ ума“.

Сказавши въ первой статьѣ, что Чацкій есть Мольеровъ „Мизантропъ“ въ мелочахъ и каррикатурѣ, Дм. добавляетъ: Крутонъ ненавидитъ пороки и слабости людей, а не прили-

чія; онъ упрекаетъ ихъ за злобу, коварство, корыстолюбіе, лесть, мстительность — Чацкій ненавидитъ свѣтскія приличія и упрекаетъ за бритые подбородки и короткіе фраки. Первый нападаетъ на истинныя, вѣковыя причины людскихъ несчастій, другой теребитъ суточные странности, одинъ великъ, другой мелочень, одинъ прекрасень, другой каррикатурень. Крутонъ, оклеветанный и отринутый любимой женщиной, идетъ искать, гдѣ можно быть честнымъ человѣкомъ; Чацкій, сочтенный сумашедшимъ и нелюбимый предметомъ своей страсти уѣзжаетъ, какъ селадонъ, искать мѣста, гдѣ есть уголокъ оскорбленному чувству. Великаго Мольера тогда унижаютъ, когда уродливые сколки съ безсмертныхъ образцовъ его стараются поставить выше этихъ образцовъ.

Въ доказательство, что языкъ и слогъ въ комедіи не удовлетворительны, хуже, чѣмъ въ комедіяхъ Шаховскаго, Кокошкина, Загоскина и Хмѣльницкаго, Дм. говоритъ между прочимъ: Софья Павловна Фамусова и Александръ Андреевичъ Чацкій говорятъ нарѣчіемъ, котораго не признаетъ ни одна грамматика, кромѣ, можетъ быть, лезгинской. Кто, кромѣ лезгинца, скажетъ дѣвушка: вы ужъ на ногахъ! „Вдвоемъ мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли—лезгинская фраза!“

Кромѣ указанныхъ въ первой статьѣ недостатковъ комедіи, Дм. въ двухъ слѣдующихъ говоритъ о новомъ, именно: Комедія требуетъ совершеннаго и непремѣннаго сцѣпленія всѣхъ частей; всѣ лица должны участвовать въ ходѣ ея: одни умышленно, другіе неумышленно должны подвигать дѣйствіе къ развязкѣ. Въ „Горѣ же отъ ума“ этого нѣтъ: Всѣ лица только говорятъ, а не дѣйствуютъ, остаются въ одномъ положеніи. „Можно выкинуть каждое изъ сихъ лицъ, замѣнить другимъ, удвоить число ихъ, и ходъ пьесы останется тотъ же. Ни одна сцена не истекаетъ изъ предыдущей и не связывается съ послѣдующей. Перемѣните порядокъ явленій, переставьте номера ихъ, выбросьте любое, вставьте, что хотите, и комедія не перемѣнится. Во всей пьесѣ нѣтъ необходимости, стало — нѣтъ завязки, а потому не можетъ быть и дѣйствія“. Въ заключеніи Дм. говоритъ: Охуждая въ комедіи планъ,

слогъ и недостатокъ цѣли, должно отдать справедливость нѣкоторымъ удачно изображеннымъ характерамъ, смѣшнымъ сценамъ, ѣдкости многихъ эпиграммъ и вообще искусству рисовать миниатюры. Успѣхъ, какой „Горе отъ ума“ имѣло въ обществѣ, Дм. объясняетъ тѣмъ, что толпа читателей находить удовольствіе при чтеніи этой комедіи отъ того, что всякую новостъ хочетъ примѣнять къ лицамъ, ей извѣстнымъ. Иной, не умѣя самъ сказать эпиграмму, радуется, найдя въ г. Грибоѣдовѣ множество готовыхъ на всякій случай ¹⁾).

Въ похвалу „Горя отъ ума“ и въ защиту его отъ нападокъ писалось и печаталось въ 1825 г. больше, чѣмъ въ порицаніе. Статьи этого рода печатались въ Московскомъ Телеграфѣ (издав. Н. Полевымъ), въ Сынѣ Отечества (изд. Гречемъ) и Полярной Звѣздѣ.

Въ этихъ статьяхъ „Горе отъ ума“ называлось прекраснымъ, образцовымъ сочиненіемъ, которое переживетъ всѣ журнальныя статьи. „Главное лицо — Чацкій вовсе не сумасбродъ, который злословить и говорить все, что ни придетъ

---

¹⁾ Современникъ Грибоѣдова, Завалишинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ писалъ въ 1879 г. (Древн. и Нов. Рос. т. I) почти то же: „Горе отъ ума“, говорилъ онъ, было тогда принято не въ томъ значеніи, какое придаютъ этому произведенію въ настоящее время (1879 г.). Оно сдѣлалось популярнымъ, какъ было популярно тогда всякое осмѣяніе чего бы то ни было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей (свидѣтельствомъ служить множество пародій на извѣстныя произведенія, сдѣлавшихся даже болѣе любимыми и извѣстными, чѣмъ самыя произведенія), что очень было на руку всеобщему либеральному направленію и какъ богатое собраніе сатиръ и эпиграммъ, дававшее всѣмъ возможность задѣвать разныхъ лицъ безотвѣтственно, высказывая чужими словами то, чего не рѣшился бы никто высказать, какъ собственное сужденіе, не рискуя поплатиться за то отвѣтственностію; и надо признаться, что число людей, и при томъ вовсе не либеральныхъ, радовавшихся появленію комедіи для употребленія ея въ смыслѣ возможности приложенія сатиры къ извѣстнымъ лицамъ, было несравненно больше, чѣмъ видѣвшихъ въ ней какой либо гражданскій подвигъ, да едва ли такіе и были.

въ голову. Въ Чацкомъ Гр. не думалъ представить идеала совершенства, но человѣка умнаго и образованнаго, человѣка молодаго и пламеннаго, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость, наконецъ человѣка, къ которому можно отнести стихъ поэта: „Не терпѣть сердца нѣмоты“. Съ этой точки зрѣнія онъ составляетъ совершенную противоположность съ окружающими его лицами и что одна сторона отбѣняетъ другую, что въ одной видна сила характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда, въ другой слабость духа, совершенная преданность предразсудкамъ, низость мыслей, тѣсный кругъ сужденія (Моск. Тел. № 10). Взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьей позволили ему принять тонъ шутливый. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ можно выразумѣть, что онъ привыкъ забавлять ее своими колкими замѣчаніями на счетъ чудаковъ, которыхъ они знали прежде; естественно, что по старой привычкѣ онъ и теперь дѣлаетъ ей забавные разспросы о тѣхъ же чудакахъ. Любовь къ отечеству, выразившаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ и, не достигши до настоящей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе не достойно подражанія: роскошь, моды и полуфранцузскій тонъ разговора,—негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному — развѣ это бранчивый патріотизмъ Чацкаго? (Сынъ Отечества ч. 101).

Говоря о комедіи, какъ о драматическомъ произведеніи, защитники Грибоѣдова писали, что авторъ не шёлъ по дорогѣ отъ Мольера до Пирона, что обыкновенная французская мѣрка не придется по его комедіи; здѣсь нѣтъ ни плута слуги, около котораго вьется вся интрига, нѣтъ ни *jeune premier*, ни *grande coquette*, ни *père noble*, ни *raisonneur*... Здѣсь характеры узнаются, и завязка разворачивается въ самомъ дѣйствиіи; ничто не подготовлено, но все обдуманно и взвѣшено съ удивительнымъ расчетомъ. Гр. создалъ цѣлую вѣрную картину общества, у него лица превосходно груп-

пированы, нравы общества схвачены съ природы и противоположность между Чацкимъ и окружающимъ его обществомъ весьма ощутительна. (Сынъ Отеч.).

О стихахъ, языкѣ и слогѣ комедіи защитники говорили тогда: Что касается до стихосложенія, то оно таково, какого должно было желать въ русской комедіи, и какого мы доннѣ не имѣли. Это не тощій наборъ звонкихъ или плавныхъ словъ и отборныхъ риѣмъ, при изыскиваніи которыхъ часто жертвовали или словами сильными, или даже самою мыслию. Гр. очень помнилъ, что пишетъ не элегію, не оду, не посланіе, а комедію; оттого онъ и соблюлъ въ стихахъ всю живость языка разговорнаго; самыя риѣмы правятся у него своею новостью и въ чтеніи заставляютъ забывать однозвучіе ямбическаго метра и однообразіе стиховъ риѣмованныхъ. Разговорный слогъ г. Грибоѣдова есть образцовый, въ полномъ смыслѣ сего слова. Искусство необыкновенное подвести обыкновенный разговорный языкъ со всѣми его изысканіями подъ правила поэзіи такимъ образомъ, что риѣма, кажется, есть натуральное окончаніе cadaго реченія (Сынъ Отеч. ч. 101). До Гр. мы не имѣли въ комедіи разговорнаго слога. У одного Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ, у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ русскій.

Какъ бы резюмируя все, что тогда говорилось въ похвалу и защиту „Горя отъ ума“, Бестужевъ (Марлинскій) напечаталъ въ Полярной Звѣздѣ слѣдующее: „Горе отъ ума“ феноменъ, какого не видали мы отъ временъ „Недоросля“. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко, живыя картины московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ, все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычныя даже забавляться по французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ

нравится; но пусть они говорятъ, что угодно, предрасудки разсѣются, и будущее оцѣнить достойно сію комедію и поставить ее въ число первыхъ твореній народныхъ.

Но это будущее нескоро наступило и указаніе на разныя будто бы недостатки было какъ при жизни Грибоѣдова, такъ и послѣ его смерти.

Самъ Грибоѣдовъ не принималъ участія въ журнальной полемикѣ и не совѣтовалъ друзьямъ вступаться за него, когда заговорили въ журналистикѣ о языкѣ его комедіи. Онъ писалъ тогда В. Одоевскому: Хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ на брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!! ¹⁾.

---

¹⁾ Еще раньше (17 мая 1825 г.) Гр. писалъ Бѣгичеву: „Ты съ жаромъ вступился за меня. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, такъ конечно не отъ того, чтобы въ ней чего нибудь недоставало... въ одномъ только случаѣ возмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто нибудь, мой ненавистникъ вздумаетъ чернить мою душу и поступки“. Мы предполагаемъ, что Бѣгичевъ вступился за Грибоѣдова по поводу рукописнаго памфлета Писарева, направленнаго противъ автора „Горя отъ ума“, гдѣ говорилось:

Давно ли Горе отъ ума
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смыслу,
Мыслей тьма
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ жолтый домъ,
Хоть стоитъ быть повѣшенъ,
Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
Нижегородскій смѣшанъ.
Никто объ немъ не думалъ знать,

Помимо литературныхъ противниковъ Гр., комедія его нѣкоторыми своими сторонами вызвала недоразумѣнія и у приверженцевъ его: И они не поняли сразу всѣхъ великихъ до-

Никто объ немъ не слышалъ,

Но чтобъ комедію читать,

Поэтъ въ оставку вышелъ...

Въ это же время, вѣроятно, сдѣланы были наброски о комедіи Кухельбекеромъ, можетъ быть, предназначавшіеся для печати. Въ дневникѣ его они помѣщены подъ 8 февр. 1833 г.

„Нѣтъ дѣйствія въ „Горѣ отъ ума“, говорятъ Дмитріевъ, Бѣлугинъ и др. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что въ этой комедіи гораздо болѣе дѣйствія или движенія, чѣмъ въ большей части тѣхъ комедій, которыхъ вся занимательность основана на завязкѣ. Въ „Горѣ отъ ума“ точно вся завязка состоитъ въ противоположности Чацкаго прочимъ лицамъ: тутъ точно нѣтъ никакихъ намѣреній, которыхъ одни желаютъ достигнуть, которымъ другіе противятся, нѣтъ борьбы выгодъ, нѣтъ того, что въ драматургіи называется интригою. Данъ Чацкій, даны прочіе характеры, они сведены вмѣстѣ и показано, какова непремѣнно должна быть встрѣча этихъ антиподовъ, и только. Это очень просто, но въ сей то именно простотѣ — новостъ, смѣлостъ, величіе того поэтического соображенія, котораго не поняли ни противники Гр., ни его неловкіе защитники. Другой упрекъ касается неправильностей, небрежностей слога Гр., и онъ столь же мало основателенъ. Ни слова уже о томъ, что не Писаревымъ, Дмитріевымъ и подобнымъ молодцамъ говорить о неправильностяхъ, потому что у нихъ едва ли гдѣ найдется и 20 стиховъ сряду безъ самыхъ грубыхъ ошибокъ грамматическихъ, логическихъ, риѣмическихъ, словесныхъ и какихъ угодно. Но что такое неправильности слога Грибоедова (кромѣ нѣкоторыхъ и то рѣдкихъ исключеній)? Ни Дмитріеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмѣльницкому (за ихъ хорошо написанныя сцены), но автору 1-й главы „Евгенія Онегина“ Гр. могъ бы сказать тоже, что какому то философу, давнему переселенцу, но все же не аѳинянину, сказала аѳинская торговка: Вы иностранецъ! — А почему? — Вы говорите слишкомъ правильно, у васъ нѣтъ тѣхъ мнимыхъ неправильностей, тѣхъ оборотовъ и выраженій, безъ которыхъ живой разговорный языкъ не можетъ обойтись, но о которыхъ молчатъ ваши грамматики и риторики (Рус. Стар. 1875 г., т. 14, стр. 85). Въ выноскѣ къ этому прибавлено: А. Пушкинъ въ слѣдующихъ главахъ Е. О. избѣгаетъ этого недостатка.

стоинствъ комедіи. Даже А. С. Пушкинъ, назвавшій комедію прелестной, и наслаждавшійся при слушаніи ея, нашелъ, что Чацкому, умному человѣку, не простительно метать бисеръ передъ Фамусовымъ, Скалозубомъ, московскими бабushками и т. п. Но Пушкинъ высказалъ это, прослушавши комедію въ чтеніи одинъ только разъ и не съ особеннымъ вниманіемъ, какъ самъ сознался въ письмѣ ¹⁾).

Въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ: „Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. Слѣдовательно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова“. Какіе же это законы? Самъ Грибоѣдовъ указалъ на нихъ тогда въ своемъ письмѣ къ Катенину, который сдѣлалъ ему нѣсколько возраженій. Катенинъ, какъ и М. Дмитріевъ строго держался теоріи французскаго классицизма съ его условными правилами. Въ комедіи Гр. онъ нашелъ погрѣшность въ планѣ, не ясномъ будто бы по цѣли и исполненію, нашелъ, что сцены связаны произвольно, характеры портретны и дарованія у автора больше, чѣмъ искусства.

Въ своемъ письмѣ Гр. высказалъ свой взглядъ на искусство вообще и въ частности на свое произведеніе. Необходимымъ условіемъ для истиннаго художника Гр. ставитъ свободу творчества, нестѣсняемую какими либо школьными теоріями, и о себѣ говоритъ, что онъ пишетъ свободно. Далѣе Гр. требуетъ отъ писателя естественности и согласія съ дѣйствительностію. Эту естественность онъ и отмѣчаетъ въ своей комедіи, какъ относительно плана, развитія дѣйствія ²⁾, такъ

---

¹⁾ Въ Михайловское привозилъ „Горе отъ ума“ И. И. Пущинъ, который и прочиталъ его А. Пушкину 11 января 1825 г. Письмо о комедіи Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву послѣ 25 января того же года (Соч. А. Пушк., изд. лит. ф., т. VII, стр. 107).

²⁾ На замѣчаніе Катенина: „сцены связаны произвольно“ Гр. отвѣчалъ: „Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе увлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я когда по первой сценѣ угадываю десятую, раздѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра“.

и относительно изображенія выведенныхъ здѣсь лицъ. Къ сожалѣнію, это письмо, названное Грибоѣдовымъ „поэтикой“ его, стали печатать только съ 1868 г., и оно мало имѣло вліянія на установленіе правильныхъ взглядовъ на комедію, такъ какъ извѣстно было только не многимъ.

Послѣ 1825 г. до начала тридцатыхъ годовъ о „Горѣ отъ ума“ ничего не говорилось въ нашей литературѣ. Только по случаю постановки его на сцену и потомъ по поводу первыхъ печатныхъ изданій является нѣсколько статей. Въ нихъ не мало высказано было вѣрныхъ сужденій о комедіи, особенно въ статьѣ Ушакова (Моск. Тел. 1830 г. № 12 и 13).

Довольно подробно излагая содержаніе пьесы, критикъ указываетъ, какъ естественно ведется интрига и съ какимъ искусствомъ авторъ развиваетъ дѣйствіе. О Чацкомъ онъ говоритъ: Этотъ пламенный, добрый, умный, благородный Чацкій, этотъ отважный врагъ всего того, что противъ чести и понятія о истинно хорошемъ, этотъ Ч. влюбленъ и по страсти своей обязанъ быть въ обществѣ, которое совершенно для него не прилично. Въ добавокъ къ тому, по молодости, по пылкости своей онъ сдѣлался нетерпѣливымъ, заносчивымъ, онъ не можетъ скрыть того, что лежитъ у него на душѣ; у него вырывается не правоученіе и не брань, а какія то колкія выходки, какъ будто невольно рождающіяся отъ его превосходства надъ всѣми окружающими его. На вопросъ: общество, изображенное въ комедіи носить ли на себѣ отпечатки нашихъ обычаевъ? не въ идеальный ли какой либо міръ вмѣстилъ авторъ главное лицо комедіи? критикъ отвѣчаетъ: Нѣтъ! Гр. приводитъ зрителя именно въ Москву и съ вѣрностью показываетъ ему духъ общества сей столицы, не ранѣе, какъ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Всѣ дѣйствующія лица сей пьесы кажутся намъ какъ будто знакомыми. Это галерея вымышленныхъ портретовъ, въ коихъ мы видимъ такую выразительность, что каждый изъ насъ, глядя на оныя, старается угадать, съ кѣмъ они схожи. Это доказывается тѣмъ, что многіе до сихъ поръ приписываютъ по-

длинниковъ для сихъ чадъ фантазіи Грибоѣдова. Вообще о всей комедіи критикъ говоритъ: „Горе отъ ума“ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій, которыя составляютъ важную эпоху въ исторіи словесности и могутъ назваться знаменіями своего вѣка. Это вѣнецъ безсмертія Грибоѣдова.

Изложеніе содержанія комедіи, хода дѣйствія,—въ статьѣ Ушакова можно считать хорошимъ предвѣстникомъ того, какъ это изложено было послѣ, въ лучшихъ статьяхъ Гончарова, Суворина и Васильева. Но у Ушакова есть довольно слабая сторона. Послѣ характеристики Чацкаго и указанія отношенія его къ Фамусовскому обществу, Ушаковъ говоритъ: Ознакомившись съ Чацкимъ нельзя его не полюбить, но узнавши его характеръ, должно признаться, что нѣтъ средства ужиться съ такимъ человѣкомъ! Ушаковъ старается оправдать общество, преслѣдующее Чацкаго и тѣмъ бросаетъ нѣкоторую тѣнь на Чацкаго, который будто бы иногда угощаетъ общество неприличными и дерзкими сарказмами. Фамусовское общество Ушаковъ оправдываетъ историческимъ моментомъ, въ который оно воспиталось. „Тогда молодые дворяне, получившіе хорошее воспитаніе, мѣтили въ знать: отечеству служили они для пріобрѣтенія чиновъ, женились по расчету и кромѣ знатности и богатства ничего не имѣли въ виду. Такой былъ духъ того времени. Но вмѣстѣ съ симъ нельзя не сознаться, что въ тѣ годы скромность, приличная незрѣлому возрасту и неподдѣльное, не ложное уваженіе къ старости были почти всеобщимъ свойствомъ молодыхъ людей. Они гордились и превозносились только успѣхами по службѣ и чаемымъ наслѣдствомъ отъ родственниковъ. Вотъ что возвышало ихъ передъ другими. Теперь все измѣнилось. Нынѣ молодежь восчувствовала необходимость въ ученіи, страстно устремляется къ узнанію всѣхъ произведеній разума человѣческаго, взираетъ на своихъ предшественниковъ не слишкомъ благопріятнымъ окомъ и естественнымъ образомъ пріобрѣтаетъ какую то дерзость въ отношеніи къ людямъ, вышедшимъ изъ круга современныхъ понятій. Ни прежнихъ, ни новѣйшихъ нельзя строго судить въ семь случаѣ. Тѣ были хороши для своего времени, наши при-

Годны для настоящаго и образомъ своихъ мыслей обѣщаютъ что то лучшее для потомковъ. Къ сей послѣдней средѣ неоспоримо принадлежитъ Чацкій. Онъ является между нами, какъ судья двухъ поколѣній. Указывая на недостатки прошедшаго, онъ въ самомъ себѣ не утаиваетъ недостатковъ настоящаго. Чацкій можетъ назваться представителемъ нашихъ мнѣній о минувшемъ и нашихъ надеждъ на будущее, лучшее, совершеннѣйшее. Чацкій дразнить своихъ современниковъ и по сему долженъ вытерпѣть горе, происходящее отъ ума“. Какъ естественное слѣдствіе такого разсужденія у Ушакова является выводъ: „Чацкій можетъ нравиться на сценѣ только въ наше время и для потомства онъ сдѣлается привлекательнымъ предметомъ изученія нравовъ и обычаевъ прошедшаго. Чацкій исключительно принадлежитъ той эпохѣ, въ которую создалъ его Грибоѣдовъ“.

Разсуждая такимъ образомъ, критикъ, очевидно, не усмотрѣлъ изъ комедіи и не зналъ того, о чемъ Гр. писалъ Катенину. Гр., изображая въ комедіи современное общество, обличая пороки и слабости людскія и противопоставляя имъ честное, доброе, разумное въ лицѣ Чацкаго, черты для этого изображенія собиралъ не только съ извѣстныхъ тогда лицъ, но онъ вносилъ въ свою комедію и „иныя (черты) свойственныя всему роду человѣческому—на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратьевъ“. Оттого и выведенныя въ комедіи лица—Фамусовъ, Молчалинъ, Репетиловъ не только представители одной извѣстной эпохи, но они бывали и прежде, не исчезнутъ и послѣ, являясь на сцену, въ другой обстановкѣ и слѣдовательно нѣсколько въ иномъ видѣ; по все таки будутъ называться этими типическими именами; и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вовсе не исчезнутъ пороки и слабости, выразителями которыхъ эти лица представлены. Точно также будетъ жить и всегда нравиться на сценѣ и Чацкій, выразитель лучшихъ стремленій не только времени, когда онъ былъ созданъ поэтомъ, но и послѣдующаго, при всякомъ переломѣ въ жизни, когда старыя идеалы колеблются и нуждаются въ обно-

вленіи, когда старыя формы отживаютъ свой вѣкъ и требуютъ замѣны новыми.

И въ другихъ статьяхъ начала 30-хъ годовъ высказано было не мало вѣрныхъ мнѣній, какъ въ защиту комедіи отъ нападокъ ¹⁾, такъ и въ разъясненіе ея историческаго значенія ²⁾ и художественнаго ³⁾. Впрочемъ новыхъ нападокъ на нее нѣтъ въ на-

---

¹⁾ „Горе отъ ума“ встрѣтили ожесточенные противники и многіе не перестаютъ доньяѣ преслѣдовать это изящное произведеніе. Отъ чего? отъ того, что оно было неслыханною новостію по своему объему, ходу, картинамъ, характерамъ. Тутъ дѣйствовалъ въ критикахъ не какой нибудь вѣрный отчетъ, а отвращеніе отъ новости; взбаламутились старики!“ (Моск. Тел. 1831 г., № 5. Послѣ 1-го представленія).

²⁾ „При нашихъ нравахъ, при нашей регулярной жизни, невозможно написать комедію съ такой завязкой, какъ французскія комедіи. Тогда бы это не былъ отпечатокъ нашихъ нравовъ и обычаевъ; а что же есть комедія, если не современный сколокъ житья-бытья? Въ этомъ отношеніи „Горе отъ ума“ не подвержено критикѣ, ибо оно есть вѣрное изображеніе того, что мы видимъ ежедневно и тамъ и сямъ, и въ чемъ, намъ должно исправиться“ (Сѣвер. Пч. 1831 г., № 31 и 32).

„Напрасно нѣкоторые молодые литераторы селятся доказывать, что эта комедія устарѣла, и что характеры, изображенные въ ней, не естественны, утрированы. „Горе отъ ума“ устарѣло? а вы же сами каждый разъ смотрите и слушаете эту комедію! Характеры въ этомъ гениальномъ произведеніи неестественны? Помилуйте, все наше общество состояло и доселѣ состоитъ то изъ Фамусовыхъ, то изъ Скалозубовъ, то изъ Молчалиныхъ, то изъ Репетиловыхъ, то изъ Чацкихъ! Куда ни обернись—такъ и ожидай, что непременно встрѣтишься съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Гр-ва. Въ послѣднее время преимущественно размноживались Чацкіе... Гр. началъ русскую комедію“. (Ст. Кульжицкаго въ Москвитянинѣ 1832 г., ч. IV, № 7).

³⁾ „Горе отъ ума“ есть произведеніе въ своемъ родѣ единственное на русскомъ языкѣ и замѣчательное для всѣхъ словесностей. Вышее достоинство его—это самобытность, первообразность характеровъ. Гр. не описалъ, а создалъ ихъ. Онъ схватилъ множество разсѣянныхъ въ разныхъ лицахъ чертъ характера московскаго барина, облекъ ихъ истинными формами, далъ имъ жизнь и наименовалъ ихъ

шей литературѣ того времени, а о недостаткахъ говорится очень

—Фамусовъ. Такъ и останется это лицо жить въ потомствѣ. Фамусовъ является намъ въ обществѣ подъ тысячью различныхъ обликовъ, и потому то многіе находятъ въ немъ сходство съ тѣмъ и съ другимъ. Черты Фамусова находятся во многихъ, но собственно это лицо есть созданіе поэта, поэтъ собралъ самыя осязаемыя изъ сихъ чертъ и воплотилъ ихъ въ лицѣ Фамусова, который потому то и вѣренъ своему идеалу до такой изумительной степени, что въ немъ соединены самыя главныя отличительныя примѣты московскаго барина. Другія лица не менѣе отличены истиною. Такъ въ Чацкомъ соединено множество чертъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей. Чацкій одушевленъ страстями огненными, онъ пылокъ, гордъ, страстенъ ко всему прекрасному, высокому и родному. Но по самому основанію своего характера, онъ не можетъ быть такъ развителенъ, какъ Фамусовъ, ибо стремленіе безсильное не носить на себѣ характера самобытности и не имѣть имени. Чацкій хочетъ всего хорошаго, но не достигаетъ ни къ чему: это человѣкъ стоящій не много выше толпы (Москов. Телегр. 1833 г. № 18).

Такой взглядъ на Чацкаго несовсѣмъ вѣренъ, одностороненъ. Впрочемъ, почти такой же взглядъ на Чацкаго высказалъ и Гоголь въ Письмахъ къ друзьямъ: „Чацкій, говоритъ Гоголь, показываетъ только стремленіе чѣмъ то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противъ того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу“. Слѣдовательно, и къ Чацкому должны быть отнесены слова Гоголя, выше сказанныя имъ: „прямаго русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина“, и еще: „зритель не знаетъ, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ“. Опровергая это мнѣніе, Суворинъ справедливо замѣчаетъ: „Чацкій не показываетъ только стремленіе—онъ уже есть то, чѣмъ показываетъ себя, онъ дѣйствуетъ такъ, какъ говоритъ. Онъ, конечно, не идеальный русскій гражданинъ, но онъ заключаетъ въ своемъ умѣ и сердцѣ все то, чтобы сдѣлаться хорошимъ русскимъ гражданиномъ. Онъ человѣкъ живой и русскій человѣкъ, онъ любитъ то, что долженъ любить русскій — свое отечество, свой народъ, науку просвѣщенія; онъ правдивый, горячій, независимый и добрый“ (Горе отъ ума, 1886 г., стр. XLVII—XLVIII).

Элементы односторонности взгляда Москов. Телегр. сказались и у А. Н. Незеленова:

Образъ Чац. не такъ определенъ, не такъ художественно обрисованъ, какъ Онѣгина, Печорина, Рудина и др., но онъ явленіе несомнѣн-

мало ¹⁾. Послѣ всего этого можно было ожидать, что нападки на „Горе отъ ума“ прекратятся, что болѣе или менѣе правильный взглядъ на него установился, что въ учебныхъ руководствахъ по русской словесности, которыя съ сороковыхъ годовъ стали появляться въ значительномъ числѣ, стануть говорить о „Горѣ отъ ума“, какъ о произведеніи образцовомъ, представляющемъ одни только достоинства; но вышло совсѣмъ иначе. Почти во всѣхъ этихъ руководствахъ много стали говорить и о недостаткахъ Грибоедовской комедіи.

Невѣрные взгляды и сужденія о „Горѣ отъ ума“, которые съ сороковыхъ годовъ распространены были въ нашемъ обществѣ и которые до сихъ поръ еще слышатся иногда, ведутъ свое начало главнымъ образомъ отъ нашего талантливаго литературнаго критика В. Г. Бѣлинскаго. Въ 1840 г. онъ высказался о „Горѣ отъ ума“ въ довольно обширной статьѣ. Находясь въ то время подъ вліяніемъ гегеліанской философіи и разсматривая „Горе отъ ума“ съ объективной, по его словамъ, точки зрѣнія, какъ произведеніе искусства, Бѣлинскій указалъ въ немъ много недостатковъ. Онъ утверждалъ, во 1-хъ, что въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ цѣлаго, потому что нѣтъ

но высшаго порядка, чѣмъ они. Это блѣдный очеркъ, но очеркъ созданный высшимъ вдохновеніемъ, какое когда либо овладѣвало русскимъ поэтомъ. Ч. еще до сихъ поръ не есть опредѣленный типъ нашей жизни, черты его образа до сихъ поръ еще только носятся среди нашей дѣйствительности, какъ смутныя предчувствія будущаго типа (Рус. Рѣчь 1879 г., № 3).

¹⁾ „Комедія Гр. есть истинная *divina comoedia*. Лица, созданныя Гр. не выдуманы, а сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Гр., первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, гениальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ Гр. лишилась Шекспира комедіи...“ (Моск. Телеграфъ 1834 г. въ отдѣлѣ Молва, Бѣлинскій — Литерат. мечтанія).

общей основной идеи, или она не ясна была Грибоѣдову; въ этомъ отношеніи онъ считалъ „Горе отъ ума“ несравненно ниже „Ревизора“ Гоголя. Во 2-хъ, Бѣлинскій называлъ „Горе отъ ума“ не комедіей, а сатирой, которая не можетъ быть, какъ онъ говорилъ, художественнымъ произведеніемъ. Въ 3-хъ, въ характерахъ выведенныхъ лицъ находилъ невѣрности и во все не находилъ художественности въ изображеніи Софьи и особенно Чацкаго. Въ разныхъ мѣстахъ своей статьи Бѣлинскій заклеилъ Чацкаго множествомъ рѣзкихъ и насмѣшливыхъ названій¹⁾ и въ заключеніи говоритъ о немъ: онъ какой то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что то небывалое, неестественное.

Но не считая „Горе отъ ума“ вполне художественнымъ произведеніемъ, Бѣлинскій называетъ его въ высшей степени поэтическимъ созданіемъ, въ которомъ отдѣльныя картины и самобытные характеры художественно нарисованы. По словамъ Бѣлинскаго, „Горе отъ ума“ въ его цѣломъ какое то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзбою, изящными колоннами“²⁾.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій и хвалитъ „Горе отъ ума“ и порицаетъ его. Съ восторгомъ онъ говоритъ о красотахъ его и съ паѳосомъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ о недостаткахъ. Въ своей статьѣ онъ подробнѣе развилъ то, что печаталось противъ „Горя отъ ума“ въ 1825 году, повторяя иногда буквально нѣкоторые выраженія.

---

¹⁾ Какъ напр.: крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорить, новый Донъ Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади; поступающій не по свѣтски, не умно и не эстетически, самое смѣшное лицо въ послѣднемъ дѣйствіи.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ статьи Бѣлинскій говоритъ: „Горе отъ ума“ недоносокъ, произведеніе слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями.

Произнося свои приговоры касательно недостатковъ, Бѣлинскій не приводитъ однако вѣскихъ доказательствъ. Онъ отдѣляется узкими, поверхностными сужденіями, или же прибѣгаетъ къ натяжкамъ. Иначе и быть не могло. Къ разбору „Горя отъ ума“ Бѣлинскій приступилъ съ предвзятою мыслию, съ готовою теорією, выработанною на основаніи другихъ произведеній, мало похожихъ на „Горе“, и подъ эту теорію онъ желалъ подвести разбираемое произведеніе. Все, оказавшееся не согласнымъ съ данной теоріей, Бѣлинскій относилъ къ недостаткамъ, которые извинялъ молодостью и незрѣлостью автора, называлъ его произведеніе „лирическими порывами субъективности“, а не стройнымъ созданіемъ, объективнымъ воспроизведеніемъ явленій жизни“. Это послѣднее сужденіе совершенно не основательно и оно скорѣе примѣнимо къ самому Бѣлинскому. Его разсмотрѣніе „Горя отъ ума“ не спокойный объективный разборъ безпристрастнаго критика, а лирическіе порывы страстнаго и увлекающагося публициста.

Статья Бѣлинскаго, написанная съ паѳосомъ, блещущая увлекательнымъ краснорѣчіемъ, имѣла большой успѣхъ, не смотря на то, что Бѣлинскій впослѣдствіи иначе отзывался о „Горѣ отъ ума“. Онъ отказавшись отъ мечтаній о полнотѣ абсолютной жизни и находя серьезныя задачи въ дѣйствительномъ мірѣ, въ русскомъ обществѣ, онъ значительно измѣнилъ свои взгляды на „Горе отъ ума“. Ему тяжело было вспоминать, какъ съ художественной точки зрѣнія говорилъ онъ пренебрежительно о „Горѣ отъ ума“ не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманнѣйшее произведеніе, первый энергическій протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности... Онъ называя „Горе отъ ума“ не сатирой, а дидактической комедіей, находилъ въ ней болѣе художественности, чѣмъ прежде ¹⁾).

---

¹⁾ Не смотря на всѣ недостатки, довольно важные, въ комедіи Грибоедова, она какъ произведеніе сильнаго таланта, глубокаго самостоятельнаго ума, была первою русскою комедією, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестествен-

Другой известный нашъ критикъ—кн. П. А. Вяземскій въ 1848 г. (въ сочиненіи „Фонъ-Визинъ“) высказалъ нѣсколько сужденій о „Горѣ отъ ума“, повторяя кое что изъ статьи Бѣлинскаго и журнальныхъ статей 1825 года. Онъ говорилъ больше о недостаткахъ, чѣмъ о достоинствахъ. Онъ, какъ и Бѣлинскій, не находилъ дѣйствія. Здѣсь, говорить онъ, всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвинутыя, ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить и пополнить, и нигдѣ не замѣтите ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи молодой Чацкій—похожъ на Стародума. Дальше кн. Вяземскій называетъ Чацкаго бѣшеннымъ и скучнымъ, а „Горе отъ ума“ не комедіей, а сатирой, лишь лучше и живѣе всѣхъ прочихъ обдуманной, въ которой небрежность языка и стихосложенія доведены до непростительнаго своеволія. Такой же отзывъ о недостаткахъ Вяземскій повторилъ и въ 1873 году ¹⁾.

Сужденія Бѣлинскаго и кн. Вяземскаго о недостаткахъ „Горя отъ ума“, хотя и необоснованныя, недоказанныя, приняты были составителями учебныхъ руководствъ, передѣлыва-

---

ныхъ красокъ, но въ которой и цѣлое, и подробности, и сюжеты, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою истинною русской дѣйствительности. „Горе отъ ума“, далѣе говоритъ Б., до сихъ поръ высится въ нашей литературѣ Геркулесовскими столбами, за которые никому еще не удалось заглянуть. Въ это время Б. уже отказался отъ мысли, что „Горе“ ниже „Ревизора“; онъ находилъ, что „Ревизоръ“ многимъ обязанъ „Горю отъ ума“: Безъ „Онѣгина“ и „Горя отъ ума“ Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніи русской дѣйствительности, исполненное такой глубины и истины.

¹⁾ Стихи Гр., за исключеніемъ многихъ удачныхъ и блестящихъ стиховъ въ „Горѣ отъ ума“, вообще грубоваты и тяжеловаты... „Горе отъ ума“ это сатира, а не драма, импровизація, а не дѣйствіе. О комическихъ положеніяхъ, столкновеніяхъ, нечаянностяхъ (естественно, а не натянуто и не произвольно, вытекающихъ изъ самой сущности драматической басни) нѣтъ тутъ и поминна. Одинъ Чацкій и то, разумѣется, противъ умысла и желанія автора, оказывается лицомъ комическимъ и смѣшнымъ (Полн. собр. соч. кн. Вяз., т. VII, стр. 341—342).

лись на разные лады ¹⁾ и проводились через школу въ общество, которое, впрочемъ, нисколько не охладѣвало къ комедіи, съ удовольствіемъ слушало ее на сценѣ, изучало стихи ея и употребляло многія выраженія въ своей рѣчи, какъ поговорки, поговорки, правила житейской мудрости.

Учебники съ указаніемъ разныхъ недостатковъ въ „Горѣ отъ ума“ печатались до нашего времени не смотря на то, что еще въ 1872 году появилось обстоятельное разсмотрѣніе комедіи „Горе отъ ума“, поставившее его на надлежащій пьедесталъ и заставившее восхищаться сознательно, какъ произведеніемъ вполне изящнымъ, живо изображающимъ дѣйствительную русскую жизнь. Это разсмотрѣніе принадлежитъ нашему извѣстному поэту Гончарову. Его разборъ (въ статьѣ: „Миліонъ терзаній“), за исключеніемъ немногаго ²⁾, совер-

---

¹⁾ Изъ болѣе извѣстныхъ и имѣвшихъ широкое распространеніе пособій, учебниковъ и руководствъ о недостаткахъ комедіи распространялись — Зеленецкій, Милуковъ, Водовозовъ, Петровъ, одинъ только Стоюнинъ не повиненъ въ этомъ грѣхѣ, Галаховъ очень осторожно говорилъ лишь о недостаткѣ дѣйствія. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ вовсе не говорилось о Грибоѣдовѣ, напр. въ книгахъ Судовщикова и А. Попова. Серчевскій, перепечатавшій статьи о „Горѣ отъ ума“ и своею книгою имѣвшій вліяніе на составителей учебниковъ, несправедливо отнесся къ литературѣ 1825—1840 и слѣд. годовъ: „Изъ всего этого, говоритъ онъ, мы не извлекли основательнаго сужденія объ этомъ образцовомъ произведеніи нашей литературы и понынѣ (1858 г.) можемъ похвалиться только одною добросовѣтною безпристрастною оцѣнкою этого гениальнаго произведенія въ превосходномъ разборѣ Виссаріона Беллинскаго, помѣщенномъ въ № VIII Отеч. Зап. 1840 г.“.

²⁾ Поправки и дополненія къ статьѣ Гончарова находятся въ статьяхъ Суворина (С.-Пб. 1886 г.) и особенно Васильева (Русск. Обозр. 1894 и 1895 гг.). Въ послѣдней статьѣ сдѣланъ подобный разборъ характера Чацкаго и довольно тонкій и вѣрный анализъ дѣйствій Чацкаго по отношенію къ Софѣ и обратно въ концѣ 3-го дѣйствія и въ 4-мъ. Г. Васильевъ ясно показалъ, что сужденія Гончарова не справедливы, будто въ 4-мъ д. „Чацкому измѣняетъ не только

шенно вѣренъ и согласенъ съ тѣми правилами, которымъ слѣдовалъ авторъ при написаніи своей комедіи. Какъ че-

умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе... Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!—(т. е. разыгралъ роль Отелло, не имѣя на то права, упрекалъ Софью, зачѣмъ она надеждой завлекала его и т. д.). Выводъ г. Васильева изъ разсмотрѣнія отношеній Чацкаго къ Софѣ и Фамусовскому обществу совершенно вѣрный. Въ 4-мъ актѣ, говорить онъ, разыгрывается совершенно естественный и психологически необыкновенно вѣрный финалъ отношеній между Чацкимъ и Софьей, нѣтъ ни малѣйшей несправедливости въ томъ, когда Ч. говоритъ Софѣ, что гордится своимъ разрывомъ съ нею. Несправедливъ не Чацкій, а Гончаровъ, утверждая, что нечего было и разрывать. Формальнаго разрыва между Софьей и Чацкимъ не было. Онъ выступаетъ лишь теперь и совершаетъ его не Софья, а Чацкій. Это разрывъ не только съ Софьей, но и со всѣмъ домомъ и обществомъ Фамусовыхъ и оттого-то такъ встревоженъ и взволнованъ Фамусовъ:

Ахъ, Боже мой!—Что станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Мы въ одномъ только не можемъ согласиться съ г. Васильевымъ, что будто Чацкій въ сущности есть недоговоренный Грибоѣдовъ, что характеръ Чацкаго двойся, и это происходитъ отъ того, что мысли, остроты и сатирическія замѣчанія зрѣлаго, очень умнаго и очень серьезнаго Грибоѣдова смѣшались въ образѣ Чацкаго, съ увлеченіемъ незрѣлаго еще молодого человѣка, влюбленнаго и ревнующаго (т. е. того молодого человѣка, который по словамъ г. Васильева послужилъ Грибоѣдову первоначальнымъ портретомъ для созданія Чацкаго).

Если обличительно-полемическую половину Чацкаго г. Васильевъ относитъ къ самому Грибоѣдову, то почему же не отнести къ нему же и положительную сторону—художественно очерченный обликъ влюбленнаго Чацкаго? Положимъ, что съ самимъ Грибоѣдовымъ не было того самаго, что у Чацкаго съ Софьей; но Гр., какъ до написанія комедіи, такъ во время отдѣлки ея и послѣ окончанія испытывалъ любовное чувство, „отъ котораго онъ въ грѣшной своей жизни черпѣ угля выгорѣлъ“, какъ писалъ онъ Бѣгичеву 4-го мая 1825 г.; онъ ревновать и дѣлалъ разныя безтактности, какъ и Чацкій. Отъ нервнаго забвенія чувства мѣры, отъ рѣзкихъ отзывовъ о вещахъ и лицахъ, отъ пылкости, увлеченій, сомнѣній и ошибокъ не свободенъ былъ и Грибоѣдовъ. Библиографія его представляетъ множество доказательствъ этого. Припомнимъ письмо его къ Булгарину въ октябрѣ 1824 г., на кото-

ловѣкъ съ высокимъ талантомъ и какъ художникъ, Гончаровъ не могъ не поразиться тѣми дивными красотами, ко-

ромъ Булгаринъ тогда же отмѣтилъ: „Грибоѣдовъ въ минуту сумашествія“. Припомнимъ рѣзкую и несправедливую выходку Гр. на обѣдѣ у Хмѣльницкаго въ августѣ 1824 г., которую онъ допустилъ по отношенію къ писателю В. М. Оедорову. Припомнимъ отношенія его къ Муравьеву и Боборыкину въ 1822 г. Въ повседневной жизни умъ Грибоѣдова иногда, какъ и умъ Чацкаго, по словамъ Софьи, былъ для иныхъ гениемъ, а для другихъ чумой. Онъ былъ чумой для тѣхъ Петербургскихъ враговъ его, о которыхъ Булгаринъ упоминаетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, и для нѣкоторыхъ кавказскихъ сослуживцевъ, товарищей его, о которыхъ Шимановскій говорилъ, что они не любили Гр., такъ какъ у него былъ характеръ непостоянный и самолюбіе неограниченное. (Рус. Арх. 1875 г. II, стр. 339 и слѣд.). Чацкій бывалъ иногда глупѣе Молчалина, о чемъ онъ говорилъ Софѣ; Грибоѣдовъ тоже часто жаловался, что онъ иногда положительно глупѣетъ, завивается чужимъ вихремъ, живетъ не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно съ нимъ, часто же они дураки набитые (Пис. 9 сент. 1825 г. и ноябрь 1828 г.).

Г. Васильевъ причину раздвоенія Чацкаго видитъ въ томъ, что, по первоначальному замыслу Грибоѣдова, поэма его должна была быть гораздо болѣе великолѣпною и гораздо высшаго значенія, нежели какою она является въ суетномъ нарядѣ комедіи. Замыселъ у Гр. несомнѣнно былъ, но могъ ли Гр. привести его въ исполненіе,—это вопросъ. Каждый писатель носится съ разными замыслами, но не всѣ они осуществляются, и потому у каждаго остаются не оконченныя произведенія. Анненковъ рассказываетъ объ А. С. Пушкинѣ (Матер. для біографіи 1873 г. стр. 112): „Разъ, возвращаясь въ Михайловское изъ сосѣдней деревни верхомъ, обдумалъ (А. С. П.) всю превосходную сцену свиданія Димитрія съ Мариной въ Годуновѣ. Какое то обстоятельство помѣшало ему положить ее на бумагу тотчасъ же по пріѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты прежней сцены изгладились изъ памяти его. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго самозванца съ хитрой и гордой Мариной, что *первоначальная сцена*, совершенно оконченная въ умѣ его, была *несравненно выше, несравненно превосходнѣе* той, какую онъ написалъ. Положимъ Грибоѣдову, можетъ быть, и удалось бы привести въ исполненіе первоначальный планъ поэмы и въ Чацкомъ представить зрѣлаго, очень умнаго и очень серьезнаго человѣка. Въ та-

торыя заключены въ „Горѣ отъ ума“, и эти красоты живо, поэтически изобразилъ въ статьѣ своей. „Горе отъ ума“, говорить Гончаровъ, есть и картина нравовъ, и галерея живыхъ типовъ, и вѣчно острая и жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы.

комъ случаѣ это именно былъ бы антропосъ собственной фабрики Грибоѣдова, не портретъ, не живой умный человѣкъ съ людскими слабостями, увлеченіями, сомнѣніями и ошибками, а только воображаемый, идеальный.

Нельзя согласиться съ г. Васильевымъ и въ томъ, что слова графини внучки:

Ну, Фамусовъ! Умѣлъ гостей собрать!

Какіе то уроды съ того свѣта!

представляютъ простую boutade самого автора и не возможны въ устахъ графини внучки. Графиня внучка, по словамъ княгини, „зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ“, а по словамъ Хлестовой, „тѣфу — вся въ прорѣзѣ! Чуть, чуть не голая“...; первая заводитъ рѣчь съ Чацкимъ о женитбѣ и бросаетъ сарказмъ по адресу русскихъ дворянъ, женящихся на французскихъ модисткахъ. Услышавши отъ Загорѣцкаго о сумашествіи Чацкаго, она говоритъ:

Представьте! Я замѣтила сама;

И хотѣ пари держать; со мной въ одно вы слово...

отправляется распространять вѣсть и собирать новые слухи.

Подобныя представленной здѣсь личности всегда отличаются насмѣшками надъ другими. Въ этотъ же вечеръ графиня - внучка имѣла особенный поводъ къ недовольству всѣми и къ злобѣ, такъ какъ сильно затронута была Чацкимъ и потомъ изъ-за „l'histoire“, съ нимъ, когда всѣ были въ суетѣ, ошиблась въ какихъ нибудь планахъ, которые строила, собираясь на вечеръ и наряжаясь. Потому слова ея являются совершенно естественными, и авторъ справедливо вложилъ въ уста ея, не предполагая, чтобы кому нибудь пришло въ голову принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ (въ смыслѣ физическихъ уродовъ, или въ смыслѣ—лицъ, неумѣющихъ держать себя прилично въ великосвѣтскихъ гостинныхъ).

И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Разсматривая „Горе отъ ума“, какъ сценическую пьесу, Гончаровъ нашелъ въ ней дѣйствіе, движеніе живое, непрерывное отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова. Это, говоритъ онъ, тонкая, умная, изящная и страстная комедія въ тѣсномъ техническомъ смыслѣ, вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ, но для зрителя почти не уловимая, потому что она замаскирована типическими лицами героевъ, гениальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т. е. собственно интрига, въ ней предъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ. Только при разфѣздѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разыгравшейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію—интригу. Но и то не надолго. Предъ нимъ уже возстаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи“.

„Главная роль, продолжаетъ Гончаровъ, роль Чацкаго, безъ котораго не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ. Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ тѣсно связано съ игрой чувства его къ Софѣ, раздраженнаго какою то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца. Весь умъ его и всѣ силы уходятъ на эту борьбу: она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому миллиону терзаній, подъ вліяніемъ которыхъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоедовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ, для которой и родилась вся комедія. Во время развитія любовной интриги естественно завязывается другая борьба—важная и серьезная, борьба Чацкаго съ обществомъ, со всей Москвой, борьба новой жизни со старой. Обѣ эти борьбы развиваются съ тонкой психологической вѣрностью и кончаются катастрофой. Оскорбленный въ своихъ чувствахъ, Чацкій изливаетъ свою желчь на главныхъ

виновниковъ своего горя—и на дочь, и на отца, и на любовника глушца, и порываетъ связи съ ними“.

„Чацкаго роль, говоритъ Гончаровъ, роль страдательная и въ то же время всегда побѣдительная. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другіе, и въ этомъ ихъ главное страданіе, т. е. въ безнадёжности успѣха. Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго. Вотъ отъ чего не состарѣлся до сихъ поръ и едвали состарѣтся когда нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. Чацкій изъ всѣхъ наиболѣе живая личность и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли“.

Другая обстоятельная, критическая статья о „Горѣ отъ ума“ напечатана была Суворинымъ въ 1886 г. („Горе отъ ума и его критики“). Суворинъ поставилъ себѣ главною задачею доказать, что мнѣнія русскихъ критиковъ и, во главѣ ихъ, Бѣлинскаго, о „Горѣ отъ ума“, пристрастны и несостоятельны. Суворинъ подробно разсмотрѣлъ мнѣнія Бѣлинскаго о недостаткахъ комедіи и доказалъ, что эти недостатки мнимые, что мнѣнія о нихъ Бѣлинскаго произвольныя, высказаны по недоразумѣнію, вслѣдствіе увлеченія ложными теоріями, и ничѣмъ не доказаны. Суворинъ снялъ съ Чацкаго всѣ обвиненія, несправедливо взведенныя на него Бѣлинскимъ, кн. Вяземскимъ и другими¹⁾. По словамъ Суворина, въ Чацкомъ

---

¹⁾ Подробно изложивши содержаніе комедіи и рѣчи Ч., Суворинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: гдѣ же Ч. говоритъ или поступаетъ, какъ не умный человѣкъ, гдѣ онъ ругаетъ всѣхъ дураками и скотами, какъ увѣряетъ Бѣлинскій... Онъ ни разу не былъ грубъ, ни разу не выходилъ изъ роли умнаго человѣка; онъ свободно, не стѣняясь говорилъ только съ Софьей и Фамусовымъ, а не процовѣдывалъ всѣмъ и каждому, зря и безъ нужды, чтобы только раздражить всѣхъ и поумничать. Гдѣ же это бѣшенство, которое приписываетъ ему кн. Вяземскій. На балѣ, въ обществѣ, Чацкій ведетъ себя, какъ свѣтскій, остроумный человѣкъ, который не прочь поспорить, поострить и только. Не онъ оскорбляетъ, а его оскорбляютъ (Тугоуховская, Хлестова, Гр

Грибоѣдовъ представилъ положительную сторону просвѣщеннаго, но самостоятельно мыслящаго русскаго человѣка, представилъ во всей его личности, въ совокупности всѣхъ его идей и убѣждений. Въ Чацкомъ только предубѣжденные люди могутъ видѣть програмнаго либерала или славянофила.

Критическія статьи Гончарова и Суворина начинаютъ оказывать вліяніе и на нашу педагогическую литературу; высказанныя въ нихъ мнѣнія вносятся въ учебники и со временемъ вытѣсняютъ изъ послѣднихъ всѣ прежніе невѣрные взгляды на одно изъ лучшихъ нашихъ словесныхъ произведеній ¹⁾).

финя внука); таковы нравы въ этомъ обществѣ, за которые Бѣлинскій распинался и называлъ Ч. полоумнымъ и сумашедшимъ. Люди этого общества называли другъ друга мошенниками, плутами, всѣхъ ругали и всѣхъ принимали, а не Чацкій, который ничѣмъ не ровнялъ своего достоинства, даже какъ свѣтскій человѣкъ.

¹⁾ Лучшій новый учебникъ у насъ теперь—это „Исторія русской словесности“—А. И. Незеленова. Въ разборѣ его комедіи „Горе отъ ума“ высказаны вѣрныя сужденія какъ о комедіи, такъ и о Чацкомъ. Мы не можемъ согласиться только съ мнѣніемъ о Софѣ и объ отношеніи къ ней Чацкаго. Г. Незеленовъ вслѣдъ за Гончаровымъ говоритъ, что въ 4 актѣ Ч. наговорилъ много лишняго, упрекнулъ несправедливо Софью, будто она завлекла его надеждой; въ увлеченіи гнѣва онъ не понялъ начинающагося къ душѣ Софьи переворота, когда, повидимому, она готова обратиться къ нему за помощью; рѣзко и холодно говоритъ онъ ей: „довольно! съ вами я горжусь моимъ разрывомъ“. Что Софья завлекла Ч. надеждою—это не несправедливо. Вѣдь она, дѣйствительно, прямо, какъ говоритъ Чацкій, ему не сказала, что все прошедшее обращено ею въ смѣхъ и забыто; вѣдь она при первой встрѣчѣ, когда онъ возвратился изъ путешествія, увѣряла его, что постоянно вспоминала о немъ и спрашивала у пріѣзжавшихъ къ нимъ. Несмотря на поведеніе ея и намеки, что она благоволитъ къ Молчалину, Чацкій никакъ не могъ допустить, чтобы она такъ сильно перемѣнилась, такъ унизилась, чтобы полюбить столь ничтожнаго и низкаго человѣка, какъ Молчалинъ. Если къ этому прибавить, что Скалозубъ, по словамъ Софьи, герой не ея романа, то надежда на прежнюю любовь ея естественно не покидала Чацкаго до конца разъѣзда гостей. Онъ и при

Критики, находившіе разные недостатки въ „Горѣ отъ ума“, больше всего нападали на Чацкаго, считали его не живымъ лицомъ, а вымышленнымъ, абстрактнымъ, вовсе неумѣстнымъ въ комедіи. Между тѣмъ масса, когда видѣла или видѣть комедію на сценѣ, внимательно всего прислушивается именно къ рѣчамъ Чацкаго и приходитъ въ восторгъ отъ нихъ. Съ особеннымъ восторгомъ она встрѣчаетъ Чацкаго въ концѣ 3-го дѣйствія, о французикѣ изъ Бордо, чувствуя въ словахъ Чацкаго что-то правдивое, родное.

Этотъ же монологъ не нравился и не нравится поклонникамъ Запада, которые ждутъ всѣхъ благъ для нашего просвѣщенія только оттуда. Въ этомъ монологѣ имъ кажутся опасными русскія идеи, будто бы могущія задержать наше умственное развитіе, помѣшать нашему просвѣщенію. Еще въ 1832 г. И. Кирѣевскій негодованіе на нашу любовь къ иностранному находилъ вреднымъ для истины практической и нравственной. Онъ писалъ въ „Европейцѣ“: Мы смѣшны, подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неловко и не вполне; что изъ подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана и что обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія, а просвѣщеніе у насъ не можетъ распространяться иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни,

---

дошедшемъ до него слухъ о сумашествіи его не вѣрить въ любовь ея къ Молчалину: „Никѣмъ по совѣсти она не дорожитъ“, говоритъ Чацкій. Когда же Чацкій узналъ истину о Софѣ и потомъ услышалъ, что она была виновницей молвы о его сумашествіи, онъ былъ крайне обиженъ, оскорбленъ и рѣзко обошелся съ ней. Для него сдѣлалось совершенно ясно, что уже нѣтъ прежней любимой имъ Софьи, съ которой вмѣстѣ смѣялись когда то надъ окружавшими ихъ чудаками. Онъ увидѣлъ, что Софья совершенно уже втянулась въ интересы своей среды, что изъ нея выйдетъ сначала Наталья Дмитріевна, у которой мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей, а потомъ и злоязычная Хлестова, или же Хрюмина (виучка) коварная, зловѣчая, безчувственная, (какъ замѣтилъ еще Галаховъ въ 1857 г. Христ.).

иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою физически, и слѣдовательно способствуетъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію. Ибо кто не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ образованности вообще? До сихъ поръ національность наша была необразованная, грубая, китайски неподвижная. Просвѣтитъ ее, возвыситъ, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европою“.

Съ особенною рѣзкостью обрушился на этотъ монологъ Бѣлинскій, который передавалъ его въ невѣрномъ освѣщеніи, съ явнымъ стремленіемъ уронить важное значеніе его въ комедіи. Чацкій, говоритъ онъ, начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія русскихъ иноземцамъ, совѣтуетъ учиться у китайцевъ премудрому незнанію иноземцевъ, нападаетъ на сюртуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на смѣшныя, сѣдые, бритые подбородки, замѣнившіе окладистыя бороды, которыя упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности, словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ. За Бѣлинскимъ порицали этотъ монологъ и другіе ¹⁾. Даже Гончаровъ, разбирая этотъ

---

¹⁾ Намъ кажутся анахронизмами Чацкіе, проповѣдующіе возвращеніе къ бородамъ и славянцамъ. Милоковъ. — Исторія Русск. поэзіи.

Проф. А-й Н. Веселовскій въ Очеркѣ первоначальной исторіи Гора отъ ума (Р. Арх. 1874 г.) называлъ Чацкаго лучшимъ выразителемъ надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ. Его, гов. Вес., Гр. заставилъ переживать неловкія минуты (въ монологѣ конца 3 дѣйствія), которыя какъ будто указываютъ на нѣсколько насмѣшливое отношеніе автора къ своему герою. Чацкій возстаетъ противъ нечистаго духа пустого, рабскаго, слѣпаго подражанья по той ясной причинѣ, что подражаніе это не сознательное и обдуманное, но слѣпое и рабское. Рѣчи Чацкаго противъ европейскаго костюма и т. д. Вес. считаетъ выходками, извинимыми въ устахъ раздраженнаго, горя-

монологъ, нашелъ, что Чацкій, какъ окончательно разстроенный, впадаетъ здѣсь въ преувеличенія, даже въ нетрезвость

что заговорившагося человѣка, называетъ излишествомъ, балластомъ въ комедіи. (Разборъ этихъ мнѣній Вес. сдѣланъ Суворинымъ въ ст. А. С. Гр. и его критики 1886 г.). Почти тѣхъ же взглядовъ держится Вес. и въ другихъ своихъ статьяхъ—въ Рус. Библіот. т. V, 1878 г., въ Этюдахъ и характеристикахъ 1894 г. и въ Починѣ 1895 г. Въ послѣдней, какъ бы въ доказательство высказаннаго раньше, что Гр. (онъ-же Чацкій) славянофиломъ никогда не былъ (Этюды) прибавляетъ: „Убѣжденіе героя комедіи что-то совсѣмъ своеобразное для своей поры, слитое изъ народничества и европеизма, любви къ старинѣ и сочувствія современному общественному движенію, вздоховъ о былой здоровой простотѣ и поддержкѣ такихъ благъ новой цивилизаціи, какъ высшее образованіе; свобода слова, взаимное обученіе въ народной школѣ, гордость новымъ вѣкомъ, когда вольнѣ всякій дышетъ, въ человѣкѣ способномъ сгоряча позавидовать вѣковой замкнутости китайцевъ,—развѣ это не живой отпечатокъ взглядовъ самого Грибоѣдова съ его свободной ролью между партіями и направленіями и патриотизмомъ на европейской основѣ“. Выходитъ, такимъ образомъ, что Чацкій западникъ, какъ говорится въ Этюдахъ, (стр. 514) „искавшій опоры въ прошломъ, но не съ тѣмъ, чтобы повернуть жизнь назадъ, а съ тѣмъ, чтобы расшевелить сознаніе въ массѣ, отучить ее отъ слѣпой подражательности и униженія своей личности“. Изъ-за Чацкаго, гов. Вес. въ Починѣ (стр. 462), намъ видится его кружокъ, изъ-за Грибоѣдова—его поколѣніе, лучшіе люди двадцатыхъ годовъ, подъ знаменемъ народности, старины и европеизма, солидарные съ нимъ, его единомышленники, въ которыхъ не разъ мы нашли бы чистокровныя черты Чацкаго. Это—Чаадаевъ, Н. Тургеневъ, Рылѣевъ, Мих. Орловъ; въ предыдущемъ поколѣніи ихъ предтеча—Радищевъ, въ послѣдующемъ потомки—Бѣлинскій и Герценъ. На долю другой партіи или направленія отводится въ Чацкомъ только способность позавидовать вѣковой замкнутости китайцевъ. Но неужели люди, близкіе къ славянофиламъ и сами славянофилы были врагами просвѣщенія? врагами высшихъ благъ цивилизаціи? Неужели они не заботились о пробужденіи сознанія въ массѣ, сознанія человѣческаго достоинства? Кромѣ перечисленныхъ г. Веселовскимъ лицъ, развѣ не съ одинаковымъ правомъ въ родословное дерево Чацкаго (ратующаго противъ крѣпостнаго права, отстаивающаго русскіе народныя интересы и желающаго для Россіи умственной самостоятельности и равноправности съ другими націями) могутъ войти также изъ предшественниковъ Грибоѣдова—Новиковъ,

рѣчи, въ словахъ его нѣтъ правды, и это продолжается у него до конца комедіи.

Но въ этомъ монологѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни преувеличеній, ни нетрезвости рѣчи, а есть только развѣ раздраженіе, происходящее у Чацкаго отъ негодованія на окружающее его такъ называемое образованное общество, откуда онъ могъ вынести только „Милліонъ терзаній“

Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!

Упомянутое о китайцахъ, по ходу рѣчи Чацкаго, вовсе нельзя разсматривать какъ совѣтъ подражать имъ и отвернуться отъ Западной Европы. О китайцахъ онъ говоритъ только по поводу нашей страсти перенимать у иностранцевъ разныя пустыя моды, вѣшность, отъ которыхъ не только нѣтъ никакой пользы ¹⁾, а вносится еще разрозненность въ нашу жизнь, со-

---

Фонъ-Визинъ, кн. Щербатовъ, Болтинъ, изъ современниковъ—С. Аксаковъ, послѣ Кирѣевскій, Хомяковъ и Аксаковы сыновья? Авдѣевъ не безъ основанія замѣтилъ (Наше общ. въ гер. и героим. Лит. 1874 г.), что въ Чацкомъ проглядываетъ уже будущій славянофилъ“. Дѣйствительно, въ Чацкомъ онъ проглядываетъ, но только не крайностями, а лучшими сторонами, и послѣднихъ въ немъ больше, чѣмъ западническихъ, потому что онъ больше имѣлъ вѣры въ силы русскаго народа, въ способность его не на одни только перениманья, хоть бы и разумныя. Чацкій (слѣдовательно Грибоѣдовъ) очень хорошо понималъ, что отъ перениманій какъ бы они хороши и привлекательны ни были, не выйдетъ русскій народъ изъ поры младенчества, изъ положенія раба, обязаннаго слушаться только указаній своихъ господъ.

¹⁾ Главный недостатокъ нашъ говоритъ Галаховъ (1857 г. Христ.) — слабое сознаніе въ своихъ силахъ и отъ того привязанность къ иностранному. Зачѣмъ до такой рабской подражательности перенимаемъ мы ихъ вѣшнюю жизнь? Это не признакъ истиннаго просвѣщенія, но игра, противная и просвѣщенію, и патріотическому чувству. Гр. виолнѣ понималъ слѣдствія чужеземнаго воспитанія и видѣлъ вредъ французской мишуры, которая во многихъ семействахъ составляетъ весь ихъ европеизмъ, мѣшая образованію ума и нравственности.

Другой критикъ Авдѣевъ (Наше общество въ гер. и героим. ли-

вершенное отчужденіе одного сословія отъ другаго. Если Чацкій незнанье иноземцевъ у китайцевъ и называетъ премудрымъ, то онъ такъ говоритъ, становясь на этотъ разъ на точку зрѣнія ихъ. Китайцы имѣли свою цивилизацію, выработали свою культуру и тѣмъ гордились. Вокругъ же себя Чацкій не находилъ какой либо самобытности, самоуваженія; онъ видѣлъ лишь одно перениманье пустяковъ, господство искужа взятыхъ модъ, особенную привязанность и благоволеніе къ иноземцамъ. Онъ и прежде съ ѣдкою насмѣшкою говорилъ, что съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы, что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенія. Съ такою же насмѣшкою говорилъ онъ о подбитомъ вѣтеркомъ французѣ, танцмейстерѣ Гильемѣ, котораго, какъ жениха у насъ предпочтутъ русскому дворянину. Съ негодованіемъ Чацкій говорилъ о кліентахъ иностранцахъ въ отвѣтъ Фамусову на его слова, что у насъ дверь отперта для званыхъ и не званыхъ, особенно изъ иностранныхъ. Съ такимъ же негодованіемъ говоритъ онъ въ монологѣ 3-го дѣйствія о французикѣ изъ Бордо, который не стѣсняясь называлъ русскихъ варварами, который окружающимъ его какъ бы въ похвалу говорилъ, что въ нихъ невиднo ни звука русскаго, ни русскаго лица, и они начали вздыхать по Франціи и смѣяться надъ Чацкимъ, когда тотъ вступился за унижаемое чужими и своими достоинство русскаго человѣка. Въ этомъ монологѣ мы не видимъ уклоненія отъ правды, вопреки словамъ Гончарова. Въ словахъ Чацкаго здѣсь слышится опредѣленная идея, правда, правда несомнѣнная, но не признаваемая, или не замѣчаемая людьми предубѣжденными. Фаму-

---

тер. 1874 г.) говоритъ по поводу этого монолога: Дѣйствительно, нѣтъ особенной красоты и удобства въ этой собственно одеждѣ, въ которой

Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ

Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,

и что скобленіе подбородковъ и всего лица не приноситъ ни особенныхъ удобствъ, ни содѣйствуетъ общественному развитію, а развѣ только служить для вѣкоторыхъ наблюдательныхъ особъ наружнымъ признакомъ благоугодливости и смиренномудрія.

совское общество эту правду, эти справедливые укоры, это негодование обозвало безуміемъ, Бѣлинскій считалъ дичью, Гончаровъ преувеличеніемъ ¹⁾, а самого Чацкаго находили смѣшнымъ, лицомъ комическимъ, устроившимъ изъ себя спектакль на балѣ. Такъ могло смотрѣть на него только Фамусовское общество. Еще раньше этого, лучшее изъ общества лицо— Софья прямо назвала Чацкаго смѣшнымъ за его грозный взглядъ и рѣзкій тонъ. Но самъ Грибоѣдовъ вовсе не находилъ Чацкаго смѣшнымъ. Положеніе Чацкаго въ борьбѣ съ обществомъ дѣлается трагическимъ, когда онъ видитъ, что отъ него сторонятся, не хотятъ слушать его рѣчей, смѣются надъ нимъ. Онъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы доказать свою правоту, доказать, что его негодование на раболѣпство общества передъ всѣмъ иноземнымъ вызвано отсутствіемъ въ этомъ обществѣ самоуваженія, отсутствіемъ любви къ родинѣ, которая даетъ этому обществу возможность широко пользоваться всѣми благами жизни, а оно въ защиту ея и словомъ не обмолвится ²⁾.

Этотъ монологъ, имѣющій, по словамъ Суворина, важное значеніе въ личности Чацкаго, по нашему мнѣнію, имѣетъ еще особенное значеніе по отношенію къ самому Грибоѣдову, къ его работѣ надъ созданіемъ Чацкаго и къ основной идеѣ комедіи.

Работая надъ „Горемъ отъ ума“, Грибоѣдовъ нѣсколько

---

¹⁾ Послѣ Гончарова, Суворинъ не видѣлъ уже преувеличенія въ словахъ Чацкаго, находилъ ихъ естественными, непротиворѣчащими правдивой натурѣ его.

²⁾ Какъ самъ Грибоѣдовъ возмущался иностранцами, ругавшими русскихъ, видно изъ путевыхъ писемъ его отъ 1819 г.: „Я видѣлъ въ немъ (въ англичанинѣ) Маржерета въ Эривани, выходца при Димитріѣ, прозванномъ самозванцемъ, и всякаго другаго бродячаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство“.

разъ мѣнялъ планъ его и передѣлывалъ текстъ. Первый поводъ къ осмѣянію московскаго общества подалъ главный представитель этого общества Фамусовъ. Въ лицѣ Фамусова, Грибоѣдовъ, судя по черновой запискѣ его, хотѣлъ осмѣять прошедшаго жителя подлѣйшія черты, „когда развита была повсюду какая то смѣсь пороковъ и любезности, извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства, когда у всякаго были въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ, когда (напр. его) дядя, какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: я, братъ!“ Этотъ прототипъ Фамусова былъ не кто другой, какъ родной дядя Грибоѣдова—А. Θ. Грибоѣдовъ, такъ надоѣвшій ему въ молодости своей назойливой опекой, своими совѣтами, поученіями и наставленіями. Дальнѣйшія наблюденія надъ жизнію показали Грибоѣдову, что нѣкоторыя подлѣйшія черты прошлаго еще несовсѣмъ исчезли, а другія лишь видоизмѣнились, приняли болѣе мягкія формы и господствуютъ въ обществѣ. Въ это то время у Грибоѣдова и явилась мысль осмѣять въ московскомъ обществѣ все суетное и закоснѣлое.

Прототипами и для остальныхъ лицъ выведенныхъ въ комедіи, а также и тѣхъ, о которыхъ они говорятъ въ комедіи, послужили для Гр. знакомыя ему въ Москвѣ лица ¹⁾. Впослѣд-

---

¹⁾ Въ Моск. Тел. 1831 г. (№5) говорилось: когда во время бала Орловъ (Скалозубъ) вальсировалъ, а во время разговора говорилъ Репетилову, что въ Вольтеры дастъ фельдфебеля, мы видѣли живой экземпляръ одного изъ тѣхъ людей, на которыхъ мѣтилъ авторъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ Араповъ (авторъ лѣтописи русскаго театра 1861 г.) писалъ въ Замѣткахъ: Весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что Гр., задумавъ планъ своей комедіи, не списалъ вѣрно съ натуры ни одного лица, но потрафлялъ сходство не умышленно; напротивъ онъ зналъ хорошо московское общество. Цѣль его была сблизить съ истиною всѣ выводимые имъ типы, и потому большая часть лицъ комедіи Горе отъ ума вышли дагерротипные портреты москвичей, извѣстныхъ тому, кто жилъ въ Москвѣ въ эту эпоху, начиная съ Фа-

ствіи при отдѣлкѣ комедіи Гр. бралъ для изображенія черты, подмѣченныя въ другихъ. Но портретность его героевъ была

мусова, тщеславнаго и безпечнаго барина и до княженъ, говорящихъ нѣсколько словъ на балѣ. Этихъ княженъ было шесть, имѣли онѣ обыкновеніе сидѣть у окошка въ большомъ длинномъ домѣ и слыли въ Москвѣ; „что окошко то лѣнешка“.

Араповъ считалъ тогда не скромнымъ называть выведенныхъ лицъ по ихъ родовымъ именамъ. Въ семидесятыхъ годахъ многое, о чемъ прежде только говорили, сдѣлалось извѣстнымъ и въ печати, стали называть, кто былъ оригиналомъ для того и другаго выведеннаго лица, или на кого Гр. мѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ своей комедіи.

Дѣйствующія лица:

Софья Павловна — указывали на вторую дочь А. О. Грибоѣдова, вышедшую за Римскаго Корсакова.

Молчалинъ — указывали на секретаря въ Archivѣ, умершаго послѣ почетнымъ опекуномъ; *N и Д* — на чиновниковъ Архива, гдѣ служилъ А. О. Гр.

Скалозубъ — Фроловъ, бывшій потомъ бригаднымъ генераломъ, указывали также, но безъ достаточнаго основанія, на Паскевича, Аракчеева и даже лицо, болѣе высокопоставленное въ арміи, и на С. А. Римскаго Корсакова, за котораго вышла Софья.

Хлестова Анфиса Ниловна — указывали на Агрофену (или Настасью Дмитріевну Офросимову, дочь которой будто изображена въ Натальѣ Дмитріевнѣ Горичевой, а также на одну изъ тетокъ А. С. Гр.

Горичевъ — это пріятель и родственникъ Гр. Илья Ивановичъ Огаревъ, указывали также на Обрѣзкова и С. Бѣгичева.

Наталья Дмитріевна *Горичева* — указывали на дочь Офросимовой, но Гарусовъ (1875 г.) зналъ навѣрное другой оригиналъ, котораго не счелъ возможнымъ называть по фамиліи.

Хрюмина — графини бабушка и внучка — объ нихъ извѣстно, что въ 1816—1822 жили онѣ на Арбатѣ въ своемъ домѣ, недалеко отъ дома Рюмина.

Князь *Тулоуховскій* — это кн. Шаховской, родственникъ драматурга Шаховскаго, не смотря на то, что самъ Гр. сказалъ своей сестрѣ, что онъ не имѣлъ его въ виду.

Запорѣцкій — указывали прежде на двухъ извѣстныхъ откупщиковъ и на одного содержателя игорнаго дома, шулера.

Репетиловъ — молодой помѣщикъ Платонъ Александровичъ Шатиловъ.

очевидна. Объ ней говорили и знакомые, какъ кн. Вяземскій, и друзья, какъ Катенинъ, и самъ Грибоѣдовъ не отрицалъ

Упоминаемыя въ комедіи лица:

Вашъ дядюшка — родной братъ А. Ѳ. Грибоѣдова, лицо ничѣмъ не занимавшееся, но постоянно являвшееся на всѣ рауты, вечера и балы. *Черномазенькій* — это Сибилевъ. *Трое изъ бульварныхъ лицъ*, извѣстные тогда пожилые московскіе хлыщы. *Нашъ солнышко нашъ кладъ* — это вѣрнѣе Поздняковъ, указывали также на Рязанскаго помѣщика Ржевскаго и на Измайлова. *Пивецъ зимой погоды лютней* — замосковрѣцкій купеческій кучеръ, котораго приглашали тогда за денежную плату на балы и купечество, и дворянство, чтобы забавлять гостей, и онъ, спрятанный очень искусно, щелкалъ соловьемъ при помощи маленькаго свистка. Онъ могъ бывать и у Кологривовыхъ, и у Позднякова, но вѣрнѣе, что А. С. Грибоѣдовъ слушалъ и открылъ его на балу у А. Ѳ. Грибоѣдова. *Тетушка Софьи* — намекъ на Анну Ѳеодоровну Гр., бывшую за Разумовскимъ, или же на Елизавету Ѳеодоровну, бывшую за Акинфьевымъ. *Менторъ* — указывали на Петрозиліуса, перваго воспитателя Гр. *Кузьма Петровичъ* — московскій тузъ, о которомъ Гарусовъ слышалъ, но не назвалъ фамиліи. *Максимъ Петровичъ* — Екатерининскій вельможа Новосильцевъ, дальній родственникъ А. Ѳ. Гр. *Несторъ негодяевъ знатныхъ*, по Гарусову, одно высокопоставленное лицо, проводившее жизнь самымъ безпутнымъ образомъ. *Тотъ, который для затѣй* — генераль-лейтенантъ Измайловъ, помѣщикъ Рязанской губ. по кн. Вяземскому и Арапову, Ржевскій. *Татьяна Юрьевна* (упомн. въ двухъ мѣстахъ) это Прасковья Юрьевна Кологривова, — урож. кн. Трубецкая, бывш. сначала за кн. Ѳ. С. Гагаринымъ, очень вліятельная тогда личность. *Князь Ѳеодоръ* — молодой А. А. Яковлевъ. Профессора, упражняющіеся въ расколахъ и безвѣрьи — намекъ на Арсеньева, Раупаха, Германа и Галича, которыхъ тогда преслѣдовали за мнимый атеизмъ и вольнодумство. *Князь Григорій* — кн. Оболенскій, но указывали и на гр. Завадовскаго. *Воркуловъ Евдокимъ* — указывали на Якубовича. *Удушье въ Ипполитъ Маркелычъ* Якубовичъ, указывали еще на Пестеля и на кн. П. А. Вяземскаго. *Ночной разбойникъ дуэлистъ* — это гр. Толстой — американецъ. *Дожмотьевъ Алексѣй* — указывали на Якушкина и барона Алексѣя Ивановича Черкасова. *Мать Софьи* — это первая жена А. Ѳ. Гр., Александра Сергѣевна, урожденная княжна Одоевская. *Княгиня Марья Алексѣвна* — указывали на Наталью Петровну Голицыну и на Наталью Кирилловну Загряжскую.

Неизвѣстно на кого мѣтилъ Гр., называя остальныхъ, каковы: Ча-

ее. Въ своемъ письмѣ къ Катенину онъ прямо говорилъ: „портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи“, но къ этому прибавилъ „въ нихъ, (т. е. изображенныхъ въ комедіи „Горе отъ ума“) однако есть черты свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а инныя и всему роду человѣческому“¹⁾.

Несомнѣнно, въ первоначальномъ видѣ и Чацкій былъ портретъ. Въ то время прототипъ Чацкаго видѣли въ Чаадаевѣ, какъ видно изъ письма Александра Сергѣевича Пушкина (VII, 58) и это имѣло свое основаніе²⁾.

хоточный, книгамъ врагъ, Гильѣме, кн. Пульхерія Андревна (въ двухъ мѣстахъ), Прасковья Оедоровна, Вдова докторша, двоюродный братъ Скалозуба, Настасья Николавна, Ирина Власьевна, Лукерья Алексѣвна, Андрей Ильичъ, отецъ Чацкаго, кн. Ласова, Ѳома Ѳоимичъ, *Мать Чацкаго* Анна Алексѣвна, будто бы сходявшая съ ума восемь разъ, Леонъ и Боринька, баронъ Фонъ-Кодцъ, Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы. Вѣроятно, говоря о нихъ Гр. хотя для нѣкоторыхъ имѣлъ въ виду какіе либо оригиналы.

1) По этому вѣрны были замѣчанія, сдѣланныя тогда въ журналахъ:

„Горе отъ ума“ вещь народная, русская, каждый можетъ повѣрить въ разныхъ концахъ Россіи оригиналы, которые авторомъ собраны въ одно мѣсто, въ Москву. (Сѣверная Пчела 1831 г. № 31 и 32 ст. Булгарина).

Вѣстовщики называли по именамъ людей, которыхъ будто бы изобразилъ Гр., мнѣніе неосновательное, ибо никогда поэтъ не описываетъ рабски ничего, онъ собираетъ разсѣянные въ умахъ черты своей идеи, даетъ имъ жизнь и увѣковѣчиваетъ ихъ въ изящныхъ формахъ. Мы увѣрены, что Гр. не списалъ вѣрно ни одного лица, но онъ такъ вѣрно изобразилъ характеры своего времени, что многіе узнавали въ нихъ совсѣмъ невиноватыхъ. (Моск. Телегр. 1833 г. № 18).

Истина, положенная въ основу „Горя отъ ума“, доказывается лучше всего тѣмъ, что типическія лица, созданныхъ Грибоѣдовымъ за сорокъ лѣтъ, и до сихъ поръ суть живые образы, съ которыми мы встрѣчались ежедневно; Фамусовы, Молчалины, Скалозубы, Ренетилковы, Горичи развѣ они умерли? (Спб. Вѣд. 1857 г. № 117).

2) Чаадаевъ, по матери внукъ историка кн. Щербатова, получилъ блестящее образованіе въ домѣ дяди своего князя Щербатова и потомъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ одновременно

Впослѣдствіи Грибоѣдовъ укладывалъ въ типъ Чацкаго свои наблюденія надъ другими. Изъ воспоминаній кн. Вяземскаго можно видѣть, что элементы Чацкаго Грибоѣдовъ могъ находить, кромѣ Чаадаева, въ Н. Тургеневѣ, Мих. Орловѣ, С. Аксаковѣ и др. Но больше всего Грибоѣдовъ вложилъ въ Чацкаго, какимъ онъ является въ монологѣ третьяго дѣйствія, изъ личныхъ своихъ свойствъ и качествъ, вложилъ доброе сердце, почему онъ особенно въ друзьяхъ счастливъ ¹⁾;

съ Грибоѣдовымъ. Онъ такъ же, какъ и Грибоѣдовъ, высоко цѣнилъ профессора Буле. Въ юности Чаадаевъ былъ острый, смѣлый и бойкій мальчикъ, еще пятнадцати лѣтъ состязался съ знаменитостями о предметахъ религіи, науки и искусства. Поступивши въ военную службу въ 1812 г. онъ совершилъ заграничный походъ. Съ 1817 по 1821 г. онъ былъ адъютантомъ при командирѣ Гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковѣ. Какъ блестящій офицеръ, чрезвычайно находчивый въ разговорѣ и чрезвычайно умный, онъ вошелъ въ связи со знатію и хорошо былъ извѣстенъ высокопоставленнымъ лицамъ и пользовался значеніемъ у нихъ. Вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Гр. былъ другомъ Чаадаева, хорошо зналъ его, часто видѣлъ его и въ Москвѣ до 1812 г., и въ Петербургѣ съ 1815 по 1818.

Прототипомъ для Чацкаго Чаадаевъ могъ быть по остроумію, по манерѣ вести споры, по независимости образа мыслей, по любви къ просвѣщенію, къ наукѣ и искусствамъ и особенному расположенію къ людямъ, занимающимся искусствами творческими. Припомнимъ его расположеніе къ Пушкину и услугу, оказанную ему заступничествомъ за него, какъ за „драгоцѣнный залогъ надежды и славы отечества“ (слова, сказанныя Чаадаевымъ Карамзину). Кромѣ этого съ Чаадаева Гр. могъ перенести на Чацкаго, что былъ въ связяхъ съ министрами и разрывалъ ихъ, что онъ былъ бы человѣкъ дѣловой, отлично пишетъ, переводить. Съ Чаадаева же Гр. могъ взять черты для Чацкаго: „Я самъ къ нему (мундиру расшитому и красивому) давно-ль отъ нѣжности отрекся? и „чины людьми даются, а люди могутъ обмануться“. Уволенный въ отставку безъ мундира и производства въ полковники, Чаадаевъ не жалѣлъ о первомъ, но о томъ, что не получилъ чина полковника, горевалъ до конца жизни, „полковникъ—un grade fort sonore“, говорилъ онъ, по свидѣтельству Жихарева (Вѣст. Евр. 1871 г. № 5).

¹⁾ У Грибоѣдова было много друзей: Бѣгичевъ, Жандръ, Булгаринъ, Гречъ, Катенинъ А. Одоевскій и др. По словамъ Булгарина

вложилъ въ него свои идеи, свои взгляды на общественно-политическіе вопросы. Чацкій въ 3-мъ дѣйствіи является патріотомъ, которому дорогъ простой русскій народъ, умный, добрый, сохранившій и нравы, и языкъ, и старину святую, и одежду.

По свидѣтельству Булгарина, А. С. Грибоѣдовъ чрезвычайно любилъ простой народъ. Любилъ онъ и ходить въ церковь. Любезный другъ! говорилъ онъ, только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Димитріѣ Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ, что тоже пѣніе одушевляло набожныя души. Мы—русскіе—только въ церкви, а я хочу быть русскимъ ¹⁾.

Грибоѣдова нельзя было любить иначе, какъ страстно съ энтузіазмомъ, потому что пламенная душа его согрѣвала и воспламеняла все вокругъ себя. Съ Гр. благородный человѣкъ дѣлался лучше, благороднѣе; его привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя мысли, высокія чувствованія переливались въ душу и заражали ощущеніе новой сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, приемы имѣли какую то необыкновенную прелесть; звукъ голоса его проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ.

¹⁾ По свидѣтельству Кюхельбекера, Гр. былъ смиренный и строгій христіанинъ и безпрекословно вѣрилъ ученію св. церкви. Гр. имѣлъ большое вліяніе на Кюхельбекера, которому указывалъ на красоты Св. Писанія въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Въ своемъ дневникѣ К. записалъ подъ 1833 г. Прочелъ 30 главъ пророка Исаіи. Они были любимыми моего покойнаго друга Г-а, и въ первый разъ я познакомился съ нимъ, когда онъ мнѣ ихъ прочелъ въ 1821 г. въ Тифлисѣ. Такое вліяніе Гр. не нравилось тогдашнему поэту В. И. Туманскому; онъ писалъ К—у: Какой злой духъ въ видѣ Грибоѣдова удаляетъ тебя отъ настоящей истинной поэзіи? Библія, не смотря на безчисленныя красоты, можетъ превратить музъ въ церковныхъ пѣвчихъ (Рус. Стар. 1875 г. т. 14). О чтеніи Гр. Св. Писанія говорила и сестра Гр. Онъ очень любилъ изучать Свящ. Писаніе и переводить псалмы стихами (Бес. въ общ. л. р. сл. при М. Ун. 1868 г. в. 2). Памятникомъ остался

Свое сочувственное отношеніе къ простому народу и высокомѣрное отношеніе къ нему нашего верхняго слоя Гр. высказалъ въ отрывкѣ 1826 г.: „Загородная поѣздка“. Около Петербурга, въ Парголовѣ, Грибоѣдовъ слушалъ русскія народныя пѣсни, которыя пѣли крестьянскіе мальчики и дѣвушки въ лентахъ и бусахъ. „Прислонясь къ дереву, пишетъ Грибоѣдовъ, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свѣлъ глаза на самихъ слушателей — наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полугероцевъ, къ которымъ я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки непонятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ мы сдѣлались чужіе между своими? Финны и Тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами и на вѣки! Если бы какимъ-либо случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами“.

Такой взглядъ на удивительную для сторонняго наблюдателя разрозненность верхняго слоя нашего общества съ народомъ въ нравахъ, обычаяхъ и одеждѣ, Грибоѣдовъ уяснилъ себѣ гораздо раньше. Онъ установился у него тогда, когда онъ обдумывалъ своего героя—бойца за національное развитіе, когда, желая уяснить себѣ исторически наше пристрастіе къ иностранцамъ, духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанія имъ въ нравахъ, обычаяхъ, языкѣ, одеждѣ и внѣшности, Грибоѣдовъ читалъ сочиненія, относящіяся къ эпохѣ преобразованія и о Петрѣ I¹⁾.

переводъ псалма: „Малъ бѣхъ въ братіи моей“, напеч. въ Мнемозинѣ 1824 г.

¹⁾ Начало этихъ замѣтокъ относится къ 1818, когда онъ писалъ Бѣгичеву изъ Воронежа: „Одинъ томъ Петровыхъ акцій (Дѣяній Петра

Въ черновыхъ бумагахъ, относящихся къ 1822 и 1823 г. есть нѣсколько замѣтокъ, въ которыхъ Грибоѣдовымъ отмѣчены слабыя стороны характера Петра, этого идеала западниковъ, его излишняя подозрительность (относительно Софьи), недостатокъ прозорливости и жестокость (казнь Хованскихъ вслѣдствіе доноса), вопіющая несправедливость по отношенію къ царевичу Алексѣю, особенно пристрастіе его къ иноземцамъ и предпочтеніе ихъ русскимъ ¹⁾. Далѣе у Грибоѣдова встрѣчаются замѣтки о нововведеніяхъ, нѣкоторыхъ преобразованіяхъ и разныхъ мѣрахъ, которымъ Грибоѣдовъ очевидно не сочувствовалъ ²⁾. Эти замѣтки указываютъ, что Грибоѣдовъ не только не восторгался Петромъ, но и не одобрялъ его за излишнюю ломку старыхъ порядковъ, пристрастіе къ иностранцамъ и ихъ обычаямъ, которые насильственно вводилъ. Отъ Петра Грибоѣдовъ велъ начало у насъ чужевластья модъ, вреднаго для нашей, особенно народной жизни ³⁾.

Великаго—Голикова) у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и его колбасниковъ сержусь“.

¹⁾ „Калмыкъ, возвратившійся съ господиномъ изъ чужихъ краевъ, былъ пожалованъ въ офицеры, а господинъ его въ матросы Петромъ I. Калмыкъ дошелъ потомъ до контръ-адмиральскаго чина. Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье наполовину противъ иностранныхъ офицеровъ.

²⁾ Петръ вводитъ чужія повизны. Царевичъ Алексѣй могъ любить отечество и пользу народа и славу и потому пустыхъ нѣмецкихъ нововведеній могъ и не желать. Преобразование Думы въ Сенатъ. Отмѣна формулы: Государь указалъ, Бояре присудили. Чтобы русскихъ пріохотить къ чтенію, Петръ велѣлъ перевести Пуффендорфа, который русскихъ не на животь, а на смерть бранилъ. Наконецъ изъ письма Петра Грибоѣдовъ выписываетъ и подчеркиваетъ: *большія бороды нигдѣ не съ авантюжъ обрѣтаются, Питербурхъ.*

³⁾ Гр. сходилъ своими взглядами на Петра съ А. С. Пушкинымъ,

Монологъ въ концѣ 3-го дѣйствія, оконченный въ Москвѣ, значительно разнился отъ Петербургской редакціи. Во второй редакціи большая часть перемѣнъ произошла отъ того, что авторъ нашелъ стихи первой редакціи слишкомъ тяжелыми, книжными и замѣнилъ ихъ болѣе легкими и живыми. Въ другихъ стихахъ Грибоѣдовъ какъ будто свое частное наблюденіе, частный случай обобщилъ, какъ напр. вмѣсто:

Ахъ, Франція! нѣтъ лучше края...

было:

Объ южной Франціи, о берегахъ Гароны
Заохали...

или вмѣсто:

Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ?

было:

Какъ ставить въ параллель
Национальное съ французскимъ?

Но есть перемѣны, которыя сдѣланы въ связи съ измѣненіемъ взгляда Грибоѣдова на значеніе своей комедіи, на своего героя—Чацкаго.

Таковы—вмѣсто:

Москва и Петербургъ... во всей Россіи то,
Что человекъ изъ города Бордо
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье

который писалъ: „Петръ I-й былъ петрифіливъ; ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства. Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и лѣтописяхъ“. (Соч. т. V стр. 251).

Въ другомъ мѣстѣ у П. говорится: „По смерти Петра I, связи древняго порядка вещей были прерваны на вѣки, воспоминанія старины мало по малу исчезли. Народъ постояннымъ упорствомъ удержалъ бороду и русскій кафтанъ и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ“.

Во всѣхъ княженъ вселять участие.
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудря-
[выхъ;

Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,

было:

Москва—столичное въ Россіи мѣсто то,
Гдѣ человекъ изъ города Бордо
Лишь ротъ раскрылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участие,
И въ этой же Москвѣ
Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ,
Въ чьей головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ...

Такого рода передѣлки могли появиться только въ Петербургѣ, когда Грибоѣдовъ сдѣлалъ значительныя измѣненія всей комедіи, когда онъ внесъ въ характеры новыя черты, подмѣченныя въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Тогда онъ не могъ не замѣтить, что комедія его является изображеніемъ не только московской жизни, но и жизни всей Россіи, гдѣ было тоже холопство предъ иностранцемъ, та же тоска, оханье и стонъ по сторонѣ чужой.

Вмѣстѣ съ этимъ и герой его, ратующій противъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой, какъ недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ, не могъ быть терпимъ не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, и во всей Россіи, въ обществахъ, подобныхъ Фамусовскому. Въ одномъ спискѣ, какъ бы въ поясненіе этого, послѣ стиховъ:

Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявить,

прибавлено двустипіе:

Вездѣ его бѣгутъ, вездѣ его страшатся,
Въ привычку всѣмъ вошло умомъ его чуждаться.

Эти прибавки были въ самой послѣдней редакціи монолога 3-го дѣйствія.

Особенно замѣчательна слѣдующая передѣлка:

Вмѣсто стиховъ —

Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый
[ладъ—

И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ ¹⁾.

---

¹⁾ Грибоѣдовъ не возставалъ противъ европейскаго костюма вообще, и въ частности не возставалъ противъ сюртуковъ, въ чемъ несправедливо обвинялъ его Бѣлинскій и др. Въ своей комедіи Гр. говорить только объ одномъ модномъ тогда штатскомъ мужскомъ нарядѣ, особенно страннаго покрою фракъ, и намекаетъ на неудобство модной тогда военной формы. Судя по замѣткамъ въ черновой рукописи 1822 и 1823 гг. (Desiderata № 57 въ изд. Шляпкина) „Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда, гдѣ и какъ перемѣняются?“ можно быть увѣреннымъ, что Гр. не настаивалъ бы на совершенной неизмѣнности національной формы нашей одежды. Если бы онъ читалъ Крижанича, подмѣтившаго крупный недостатокъ прежней нашей народной одѣжи — отсутствіе кармановъ, Гр. навѣрное согласился бы съ справедливостью замѣчанія.

Гр. смѣется надъ одѣжей своихъ современниковъ—баръ не столько потому, что эта одѣжа смѣшна, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, сколько потому, что носившіе эту одѣжу воображали, что они тѣмъ стоятъ выше народа, походятъ не на него, а на иностранцевъ. Грибоѣдова возмущало въ современникахъ кривлянье предъ иностранцами, чтобы показаться предъ ними похожими на нихъ, чтобы чѣмъ нибудь понравиться имъ. Это же самое возмущало тогда и А. С. Пушкина, который въ 1826 г. писалъ: „Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; передъ m—me de Staël заставляемъ Милорадовича

Движенья связаны . . . И не краса лицу —
Смѣшные, бритые, сѣдые, подбородки! . . .
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки! . . .

было:

Неужли у себя для нашихъ нѣтъ желаній

отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: „Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобели). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, но досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“ (Соч. т. VII стр. 181—182).

Критикъ Горя отъ ума М. Дмитріевъ въ 1825 г. упреки Чацкаго за бритые подбородки и короткіе фраки называлъ теребленьемъ суточныхъ странностей. Съ общей точки зрѣнія это, пожалуй, вѣрно. Но съ нашей національно-русской эти нападки Чацкаго имѣютъ серьезное значеніе. Наше обезьянничество, наша страсть перенимать у иностранцевъ, особенно модное, иногда уже о тависное у нихъ, какъ и наша перазборчивость принимать всѣхъ званныхъ и незванныхъ, особенно изъ иностранныхъ, принимать честнаго и безчестнаго,

(Хоть честный человекъ, хоть нѣтъ

Для насъ равнехонько — про всѣхъ готовъ обѣдъ,

какъ говоритъ Фамусовъ), — все это причиняло, причиняетъ и будетъ причинять несчастія намъ, какъ и другіе общечеловѣческіе пороки, о которыхъ говоритъ г. М. Дмитріевъ — (злоба, коварство, лесть, мстительность, корыстолюбіе). Эта наша національная страсть не суточная странность, не мелочь, а крупная вѣковая причина неурядицъ нашей жизни. Это одинъ изъ старыхъ предразсудковъ, которыхъ не истребить ни годы, ни пожары. Онъ, какъ и прежде, будетъ проявляться то въ другомъ сословіи, чѣмъ при Грибоѣдовѣ, то въ учрежденіи, то въ обществѣ, то въ кружкѣ. И потому то Чацкій, какъ патріотъ, какъ человекъ, желающій блага для своей родины, такъ сильно и вооружается противъ него, наравнѣ съ общечеловѣческими пороками. Этотъ нашъ національный предразсудокъ и порокъ нисколько не меньше, чѣмъ тотъ, о которомъ сказалъ Аннинскій вельможа Волинскій, самъ не свободный отъ него (припомнимъ, какъ онъ избилъ ни за что, ни про что профессора Тредьяковского) и погибшій потомъ отъ Бирона: „Русскимъ хлѣба не надо. — они сами себя ѣдятъ, и тѣмъ сыты бываютъ“.

Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній?

И чѣмъ нашъ сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ...

И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой то чудный
[выемъ,

Короткополые, на перекоръ стихіямъ.

Разсудку смѣхъ, и не краса лицу!

Какъ платья, и умы коротки...

Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки... ¹⁾

При этой передѣлкѣ и основная идея нѣсколько измѣнилась, явилась опредѣленнѣе, устойчивѣе. Провозвѣстникъ этой идеи—борьбы за русское просвѣщеніе безъ отрицанія народной почвы — Чацкій выступаетъ уже не несмѣло, какъ въ первой редакціи, а рѣшительно противъ чужевластия модъ, которыя разсудку вопреки и на перекоръ стихіямъ. Онъ прямо становится на сторону старовѣровъ, которые не видѣли блага для нашей жизни въ измѣненіи внѣшности, нравовъ и обычаевъ и упорно отстаивали старину святую, т. е. все то, что нѣсколько не мѣшало и не мѣшаетъ истинному русскому просвѣщенію. Окружающее его общество, какъ будто благообразное, но пустое, занятое сплетнями, пересудами, умственно и нравственно несостоятельное, онъ справедливо ставитъ во сто кратъ ниже дореформеннаго общества, которое по крайней мѣрѣ не было какимъ то искидкомъ изъ народной массы, совершенно чуждымъ ей и по духу, и по языку, и по внѣшности.

---

¹⁾ Несомнѣнно, этими словами авторъ мѣтилъ на тѣ дѣйствительно смѣшные подбородки, которые бывали тогда и послѣ (во времена Гоголя) у чиновниковъ и баръ, предававшихся философствованію: „Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!“

Въ комедіи „Горе отъ ума“ Галаховъ (Исторія русской словесности, 1880 г., томъ II, стр. 377) находилъ двѣ идеи—главную—противоположеніе вѣка настоящаго (т. е. времени Грибоѣдова) и вѣка минувшаго, и второстепенную, или побочную, но, по его словамъ, очень замѣчательную,—мысль о пустомъ, рабскомъ, слѣпомъ подражаніи нашемъ всему иностранному. Это мнѣніе совершенно невѣрно. Въ комедіи не двѣ, а одна только мысль, одна идея, проникающая ее отъ начала до конца и сообщающая ей единство, какъ истинно художественному произведенію. Мысль эта—борьба новаго со старымъ, свѣтлаго въ нашей жизни съ темнымъ. Изъ темной стороны нашей жизни, изображенной въ комедіи, одно уже отжило тогда свой вѣкъ и лишь держалось въ памяти и рисовалось въ воображеніи стариковъ, какъ идеаль, съ которымъ тяжело имъ было разстаться. Другое стояло прочно и не скоро уступило свое мѣсто новому, а третье продолжаетъ держаться и теперь. Свѣтлое въ тогдашней жизни тоже не ново было тогда, оно проявлялось и прежде; и прежде раздавались голоса передовыхъ людей и противъ низкопоклонничества, и противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, и противъ рабскаго преклоненія предъ иноземнымъ, противъ рабства во всѣхъ его видахъ. Противъ этого ратовала сатирическая литература 18-го вѣка. Во времена Грибоѣдова свѣтлое вступило смѣлѣе въ борьбу съ темнымъ и постепенно начало вытѣснять послѣднее. Этотъ процессъ вытѣсненія продолжается и теперь. Отъ того то и представитель свѣтлой стороны Чацкій не теряетъ значенія и доселѣ. Онъ боецъ за одну великую идею, идею самостоятельнаго развитія всего русскаго народа, развитія его въ связи съ общеевропейскимъ просвѣщеніемъ, но безъ рабскаго преклоненія предъ иностраннымъ.

Во времена Грибоѣдова отжило свой вѣкъ только то, что вспоминаетъ Фамусовъ, говоря о Максимѣ Петровичѣ. Это—безумная роскошь, безмѣрное важничанье передъ низшими и сгибанье въ перегибъ передъ высшими, шутство, прошедшаго житія подлѣйшія черты,

Когда „не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ не жалѣя“.

Хоть были „охотники поподличать“ и въ вѣкъ Грибоѣдова,
Да нынче смѣхъ страшить и держить стыдъ въ уздѣ;
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Но это низкопоклонничество не столь грубое, какъ прежде, угодничество передъ нужными людьми, безчестное наживаніе состояній, роскошь, мотовство, важничанье дворянствомъ, злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ, погоня за чинами и орденами, низменные интересы, пустота жизни, небрежное воспитаніе дѣтей, пристрастіе къ иностранцамъ, духъ слѣпаго, рабскаго подражанья имъ — все это и многое другое держалось твердо во времена Грибоѣдова.

Чацкій, желая блага своему отечеству, больше всего клеймить позоромъ тѣ безобразія, которыя жили въ его время, и въ этомъ его гражданскій подвигъ. Въ этомъ же гражданскій подвигъ и самого Грибоѣдова, творца Чацкаго. Задача Грибоѣдова была не смѣшить, чтобы доставить удовольствіе зрителямъ, нѣтъ! Онъ добра хотѣлъ русской землѣ. Своею комедіею, этимъ острымъ словеснымъ оружіемъ, направленнымъ противъ всего суетнаго и закоснѣлаго въ тогдашней жизни, Грибоѣдовъ много содѣйствовалъ и развитію нашего самосознанія, и поступательному движенію въ нашей жизни. Послѣ Грибоѣдова стало падать то, что при немъ стояло твердо. Лѣтъ черезъ сорокъ пало крѣпостное право, а съ нимъ и разныя злоупотребленія въ родѣ — обмѣна вѣрныхъ слугъ на борзыхъ собакъ, насильственное отторженіе дѣтей отъ родителей и продажа съ аукціона амуровъ и зефировъ. Скалозубовская похвальба обмундированіемъ первой арміи по модному образцу, съ узкими таліями, обхватомъ въ шагъ и т. п.¹⁾ теперь всякому кажется смѣш-

---

¹⁾ Въ послѣдней редакціи Скалозубъ говоритъ только:

А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?

Все такъ прилажено и талы всѣ такъ узки . . .

Въ первоначальной вмѣсто двухъ стиховъ было четыре:

ною; прежняя стѣснительная чужая форма уступила мѣсто формѣ болѣе свободной, удобной, подходящей къ климату. Борода едва ли уже кѣмъ либо у насъ считается, какъ во времена Бѣлинскаго, помѣхой просвѣщенію и образованности. Борода, какъ невозможное, чтобы появиться ей въ московскомъ благородномъ собраніи, какъ писалъ Бутырскій классикъ по поводу появленія въ печати „Руслана и Людмилы“ Пушкина, теперь приобрѣла у насъ право гражданства повсюду. Настанетъ, несомнѣнно, время, когда и вся, высканная въ монологъ правда восторжествуетъ, и изъ нашей жизни исчезнетъ и остальное чужевластье модъ, исчезнетъ то, что разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ, исчезнетъ презрительное отношеніе верхняго слоя общества къ народу, къ его нравамъ, обычаямъ, языку и одеждѣ.

Въ лицѣ Чацкаго Гр. далъ намъ положительный типъ русскаго человѣка, героя, смѣлаго, энергическаго бойца за правду, за водвореніе въ русской жизни новыхъ началъ свѣта, вытѣсняющаго гнѣздящіяся въ ней мракъ и темноту. Какъ лицо живое, взятое изъ дѣйствительной русской жизни, а не созданное по отвлеченнымъ началамъ добра и справедливости, Чацкій имѣетъ и долго будетъ имѣть важное значеніе и въ нашей литературѣ, и въ жизни. Своимъ образованіемъ, своею любовью къ просвѣщенію, своимъ теплымъ отношеніемъ къ народу, искреннимъ желаніемъ ему блага, своимъ отвращеніемъ отъ всего дурнаго, пошлаго, низкаго, отъ рабства всякаго рода, онъ указывалъ и указываетъ намъ, чѣмъ долженъ быть просвѣщенный, самостоятельно мыслящій русскій человѣкъ.

А въ первой арміи . . . какъ выправлень солдатъ?
Мундиры пригнаны по тальямъ; всѣ въ обхватъ,
И платья нижнія облѣплены, такъ узки,
Въ шагъ доходятъ, какъ ни въ чемъ.

Это—яркія краски, схваченныя съ тогдашняго военного обмундирования; онѣ оказались тогда слишкомъ рѣзкими и потому для печати Грибодовъ передѣлалъ первоначальные стихи.

Созданіемъ Чацкаго Грибоѣдовъ сослужилъ великую службу своему отечеству — Россіи. И эта служба, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ приобрѣтать значеніе. Чѣмъ шире будетъ распространяться гениальная комедія, чѣмъ глубже она будетъ проникать въ умы и сердца русскихъ людей, тѣмъ ярче будетъ блистать въ нашей жизни тотъ свѣтъ, за водвореніе котораго всю жизнь усиленно работалъ, боролся, страдалъ и безвременно погибъ нашъ великій писатель и доблестный гражданинъ А. С. Грибоѣдовъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
1	8	годы	годы —
7	27	и А. С.	и у А. С.
10	33	въ Петербургѣ	въ Петербургѣ,
18	2	онъ	онъ,
—	3	знакомыхъ,	знакомыхъ
—	3	холеры	холеры,
—	24	Въ послѣдствіи	Впослѣдствіи
21	24	жизни,	жизни
—	34	въ Тавризѣ	въ Тавридѣ
24	22	онъ	онъ,
25	8	чтобъ	чтобы
29	35	de	des
31	22	недоброго	недобраго
33	23	внутреннюю	внутреннюю
34	1	к заковъ	казаковъ
40	3	Москву	Москву,
46	35	что	что,
48	2	эпохи	эпохи,
51	34	Гр.	Гр.,
54	24	жестокъ	жестокъ
59	3	народныхъ.	народныхъ“.
62	20	своей	своей,
64	10	разсужденія	разсужденія,
—	28	на сцену,	на сцену
65	31	размноживались	размножились
—	37	описаль	списаль
69	21	Онъ, отказавшись	Отказавшись
70	27	изображеніи	изображеніе
72	23	Чацкаго,	Чацкаго
—	35	ревнова ь	ревновалъ
—	38	Библіографія	Біографія

Стр.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
74	21	заводить	заводить
—	32	планахъ	планахъ
77	14	мошенниками	мошенниками
—	18	Въ разборѣ его	Въ его разборѣ
78	20	что	что,
79	2	физически,	физически
80	7	Починѣ	Починѣ
—	38	желающаго	желающаго
81	18	Кирѣевскій	Кирѣевскіе
—	19	героим.	героин.
—	26	перениманій	перениманій,
—	37	героим.	героин.
82	16	званныхъ и незванныхъ	званныхъ и незванныхъ
—	20	невидно	не видно
86	7	солнышко	солнышко,
—	12	спрятанный	спрятанный,
—	24	губ.	губ.,
—	32	Маркелычъ	Маркелычъ —
87	3	прибавилъ	прибавилъ:
—	17	о нихъ	о нихъ,
88	13	въ 1812 г.	въ 1812 г.,

Въ концѣ примѣчанія къ 78-й стран. пропущено: Съ этого момента Софья во мнѣніи Чацкаго стала негодяйкой (Пис. къ Бѣгич., авг. 1824 г.). Очень рѣзко отозвался о ней и А. С. Пушкинъ (Соч. II., изд. 1887 г., т. VII, стр. 107).

